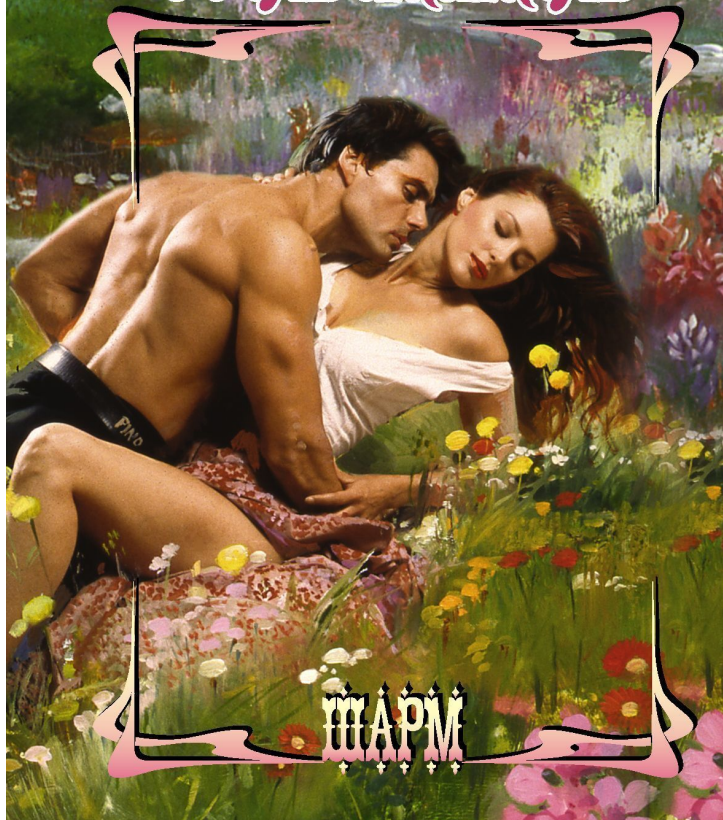

РЕНЕ ЭНН МИЛЛЕР

Коварный обольститель

ТАРМ

Рене Энн Миллер
Коварный обольститель

Серия «Аристократы с
дурной славой», книга 1
Серия «Шарм (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51801377

Коварный обольститель: Издательство АСТ; М.; 2020

ISBN 978-5-17-118409-4

Аннотация

Весь лондонский свет понимал: когда-нибудь эскапады обаятельного повесы и гуляки Хейдена Милтона, графа Уэстфилда, кончатся плохо. Так и вышло: раненный выстрелом брошенной ревнивицы, граф отлеживается у себя в имении и скучает... пока его внимание не привлекает прелестная новая сиделка, София Камден. София, поглощенная необычной для девушки XIX века мечтой – стать врачом, мало внимания обращает на ухаживания своего знатного пациента. И тогда коварный искуситель предлагает ей опасное пари: если за десять дней она докажет ему свое призвание к медицине, он ей поможет. А если нет – станет любовницей графа, что, по мнению Хейдена,

куда более завидный жребий для молодой красавицы. Игра начинается...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	55
Глава 6	71
Глава 7	94
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Рене Энн Миллер

Коварный обольститель

Renee Ann Miller

NEVER DARE A WICKED EARL

© Renee Ann Miller, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Лондон

Ноябрь 1875 года

Бутылка шотландского виски должна была помочь мужчине забыть о своих горестях, но он лишь утратил способность нормально передвигаться. Тяжело вздыхая, Хейден Милтон, граф Уэстфилд, осторожно переставлял ноги по булыжникам туманной и темной Брук-стрит. Обратив взор к непроглядной темени неба, он в который раз задал как всегда оставшийся без ответа вопрос: «Простишь ли ты меня, Лаура?» Но было слишком поздно просить прощения у своей жены. Он опоздал на целых пять лет. Мертвые не могут отпустить вам ваши грехи. Отогнав мрачно-сентиментальные мысли, он не без труда поднялся по ступеням к двери своего городского дома. Потянувшись к бронзовой ручке, наткнулся взглядом на глиняный горшок, в котором сиротливо торчал поникший остролист. Откуда, черт возьми, он здесь взялся? Граф сделал шаг назад и окинул взглядом подернутое дымкой сооружение. Один, два, три, четыре... Это был не его дом – разве что за время его отсутствия кто-то снес пятый этаж. Возможно ли это? Предельная глупость такого предположения заставила его осознать, что он, по всей видимости, пьянее, чем ему казалось. Пытаясь сосредоточиться,

Хейден всмотрелся в стоявшее по соседству здание. Один, два, три, четыре, пять – и никакого остролиста на крыльце. Пошатываясь, граф отступил еще на несколько шагов. Черт побери, это же дом леди Бедфорд. Если бы он вошел в ее спальню, мадам наверняка набросилась бы на гостя с алебардой. Представив себе стычку с женщиной почтенного возраста, чье лицо украшали огромные бородавки, он содрогнулся. Граф развернулся и, в очередной раз едва удержав равновесие, направился к своему дому. Слава богу, Селлия спит. Ему бы не хотелось, чтобы малышка видела, как он крестится, словно корабль во время шторма. Ухватившись за кованую ограду, он остановился, чтобы перевести дух, но тут тишину предрассветного часа неожиданно нарушил громкий перестук каблуков. Хейден обернулся и увидел, как из тумана вынырнула фигурка миниатюрной женщины. Сделав еще несколько торопливых шагов, женщина не поднимая головы остановилась перед графом, ее лицо скрывал капюшон черного плаща. Выпростав из-под накидки бледную руку, она подняла голову и откинула капюшон, пронзив графа пристальным взглядом раскосых зеленых глаз. Адель. Когда-то именно ее кошачьи глаза заинтриговали его, но их любовная связь, нечто между бессмысленным безрассудством и полным безумием, быстро сошла на нет. Даже для него все это было слишком безумно и шатко. Быстрым движением распахнув плащ, женщина вскинула блеснувший в тусклом свете уличного фонаря дуэльный пистолет. Что ж, настал час

расплаты?

– Адель, дорогая, неужели дошло до этого? Ты собираешься меня убить?

На ее губах заиграла хищная улыбка.

– Нет, Хейден, этого делать я не собираюсь.

Хотя она говорила медленно, чувствовалось, что речь женщине дается с большим трудом. Очевидно, что этой ночью не только Уэстфилд сумел затуманить свой разум, только Адель сделала это с помощью опиумной настойки, к которой пристрастилась довольно давно. Ухмыльнувшись, она опустила пистолет ниже, и если секунду назад оружие было нацелено в грудь мужчины, то теперь черный зрачок ствола смотрел в его пах. Злобно хихикнув, она медленно, но вполне внятно произнесла:

– Нет, милый, я просто хочу тебя покалечить.

Только женщине может прийти в голову оскопить бывшего любовника; мужчина просто бы его пристрелил. Адель приподняла брови. Она ждала реакции? Может, она думала, что он упадет на колени и станет молить о пощаде? Нет уж, этого точно не будет. По крайней мере, не в годовщину смерти жены. Может, это и к лучшему: неожиданно собственная смерть показалась графу самым подходящим выходом.

– Ну и что ты мне скажешь теперь, мерзавец? – прошипела она.

«Давай же, сделай это», – пронеслось у него в голове и почти сорвалось с языка. Черт побери, он что, так же безумен,

как Адель, или это проклятый алкоголь напрочь разъял его мозг? Он посмотрел на окно спальни Селии. Ради ребенка он должен сохранить ясность мысли. Стоя над могилой жены, он пообещал сделать для малышки все, что в его силах; нет, граф Уэстфилд не подведет Лауру, не сделает этого снова. Хейден бросил взгляд на почти антикварный пистолет: оружие богато украшено, по всей вероятности, весит не менее пяти фунтов. Рука Адели уже ходила ходуном, силясь удержать ствол в верном направлении. Если бы она, устав, опустила пистолет еще ниже, у него бы появился шанс не только выжить, но и избежать увечья.

– Милая, может, ты отдашь мне этот пистоль, и мы зайдем в дом, сядем и спокойно обсудим все, что тебя так расстраивает?

Он осторожно шагнул к женщине, но она тут же отступила. В широко раскрытых глазах читалось настоящее безумие. Она повела стволом.

– Не двигайся, Хейден, или, клянусь, я выстрелю.

Он поднял руки в защитном жесте, и тут за ее спиной раздался уверенный топот чьих-то ног. Граф всмотрелся в тающие облака тумана: к ним приближался невысокий и необычно сложенный человек. При поразительно широких плечах торс казался слишком узким и даже хрупким. Наконец странный человечек вошел в круг света уличного фонаря. Проклятье! Это был юный Джимми Макгивни, разносчик газет, внушительный сверток которых он нес на своих

широких плечах. В любой момент Адель может услышать шаги Джимми – нельзя было допустить, чтобы эта безумная, испугавшись, обернулась и выстрелила. Хейден прыгнул вперед, чтобы выхватить у нее пистолет. Кремень сухо ударил по стали запальника, и пламя вспыхнувшего пороха рассеяло темноту. Грохот выстрела отдался вибрацией во всем его теле, а запах сгоревшего пороха ударил в нос. Граф упал, рухнув на мостовую так, будто его ноги отнялись. Хриплый вздох вырвался из его груди, мокрые камни мостовой обожгли ледяным холодом лицо, а по бедру разлился нестерпимый жар, проникавший, казалось, даже в спинной мозг. Через несколько секунд жар начал стихать, уходя из его тела вместе с кровью, темной лужицей растекавшейся на мостовой. Осталась только острая вяжущая боль. Он закрыл глаза, и тут же перед его мысленным взором возникло прелестное лицо Лауры. «Прости меня, моя любовь». Затихающий стук каблучков Адели ненадолго вернул Хейдена в действительность. Он заставил себя поднять отяжелевшие веки. Яркий, почти ослепляющий свет больно резанул по глазам, но уже через мгновение его окутал полный мрак, и странное тепло разлилось по телу, увлекая в состояние благодного, бездумного забвения.

Глава 2

София Камден распахнула дверь и торопливо вошла в роскошную спальню графа Уэстфилда. В затененной комнате не было запахов, присущих покоям тяжелобольного, не пахло ни застарелым потом, ни мазями, ни выделениями. В помещении разливались запахи ароматного мыла, свежих простыней и пчелиного воска, пахло богатством и неуязвимостью перед разорением, которое при болезни грозит не столь состоятельному человеку. Подняв небольшую лампу с новомодной парафиновой свечой, девушка подошла к массивной кровати с пологом на четырех резных стойках. На постели в беспокойном сне ворочался, словно борясь с дьяволом, граф, при этом ругательства, порой срывавшиеся с его уст, могли бы прожечь уши самого Люцифера. Лихорадка? Сердце Софии замерло от беспокойства. Надо было проверить состояние джентльмена еще вчера вечером, несмотря на приказ не беспокоить его до утра. Поставив лампу и саквояж черной кожи с медицинскими препаратами на комод, девушка бросилась к постели. В плотном сумраке спальни, подсвеченном лишь тоненькой свечкой, она смогла разглядеть, что глаза больного закрыты.

– Ш-ш-ш... успокойтесь, лорд Уэстфилд.

Словно повинувшись магическому заклинанию, граф затих, а сведенные судорогой мышцы расслабились. София прило-

жила ладонь к его лбу: влажный, но жара нет. Она с облегчением вздохнула. Слава богу, это всего лишь ночной кошмар. Впрочем, если в тебя стреляли, в такой реакции нет ничего удивительного. Газеты сообщили, что с места происшествия бежала женщина в плаще, но сам Уэстфилд утверждал, что не знаком с преступницей. София склонилась над раненым и поправила сбившееся одеяло. Потянуло мужским запахом, который напомнил ей запах ароматических шариков, точнее, апельсинов, начиненных зубчиками чеснока, которые она раскладывала в студии своего дедушки, чтобы хоть ненадолго приглушить резкий запах скипидара и краски. Пряный и такой знакомый запах... успокаивал? То небольшое, что она узнала об их светлости за время своего пребывания здесь, никак не могло успокоить девушку, хотя экономка почти ничего не рассказала. Миссис Бичем проводила Софию наверх, до двери спальни хозяина, пообещав тут же прислать горничную со свежим бельем. Появившаяся буквально через пару минут молоденькая Алиса оказалась не прочь посплетничать и щебетала, как юная птичка, неожиданно осознавшая, что господь наградил ее даром мелодичного пения. Девушка рассказала Софии, что та станет третьей сиделкой Уэстфилда менее чем за три дня, об этом факте предыдущая сиделка, передавая свои полномочия и разъясняя обязанности, не обмолвилась ни словом. Чуть поджав губы, София снова подошла к постели, чтобы разгладить роскошное голубое покрывало из индийского шелка. В ту же секунду

Уэстфилд резко вскинул свою мощную длань и схватил ее за запястье. У девушки перехватило дыхание, и глаза широко раскрылись от удивления. Граф ослабил хватку, и его пальцы с неожиданной нежностью скользнули по тонкой коже. От этого интимного, почти любовного прикосновения по коже Софии побежали мурашки, а в животе разлилась сладкая истома.

– Кто вы? – спросил граф.

Низкий хриловатый голос лишь усилил обрушившиеся на нее странные и несколько тревожные ощущения, но София постаралась не обращать на них внимания.

– Сейчас только пять утра, лорд Уэстфилд. Постарайтесь заснуть.

Он отпустил ее руку и приподнялся на локтях, теперь свет лампы освещал его лицо, можно было разглядеть густую щетину, которая оттеняла тяжелую квадратную челюсть, придававшую раненому опасный, почти пиратский вид.

– Я задал вам вопрос, мадам.

– Мисс София Камден, милорд. Я буду ухаживать за вами, пока вы не выздоровеете... Считайте меня вашей сестрой милосердия.

– Сестрой? А что случилось с тем тупоголовым ублюдком, что был здесь вчера?

– С санитаром? – Девушка постаралась уклониться от ответа, не желая повторять то, что поведала ей Алиса. Бедный парень как ошпаренный бежал отсюда, бормоча самые за-

мысловатые ругательства.

– Ну же, мисс Камден, наверняка вы что-то слышали.

– О да, и немало. Достаточно, чтобы понять, что вы довольно опасный человек.

– Мисс Камден?

Тон его голоса смягчился, став более убедительным. У Софии возникло ощущение, что в зависимости от настроения тембр голоса графа может меняться, как направление ветра или осенняя погода, и что он, если захочет, может вытянуть правду даже из самого упрямого человека. Девушка вздохнула. Что ж, лучше покончить с этими откровениями.

– Говорят, он сбежал после того, как вы пригрозили испугать его в ночном горшке.

– Он этого заслуживал. – В его тоне не было ни сожаления, ни колебаний.

– Уверена, что заслуживал, милорд.

Граф Уэстфилд был достаточно умным человеком, чтобы уловить нотки недоверия и осуждения в том, как она произнесла эти слова. Хейден вздохнул:

– Я вовсе не обязан объяснять вам свои действия, мисс Камден.

– Конечно, сэр.

– А посему я больше не нуждаюсь в ваших услугах.

Взмахом руки он указал на дверь.

– Сэр, я у вас уже третья сиделка. Первая ухаживала за вами меньше дня, потом был нанят мужчина, но и он сбежал

через сутки, даже не потребовав оплаты. Тогда было решено, что сиделка-женщина будет вас меньше раздражать.

– И какой же болван это решил?

– Ваша сестра, леди Прескотт.

– Эдит. Черт бы ее побрал. Мне следовало догадаться.

– Вам лучше поспать. У меня есть успокоительное, которое вам поможет.

– Я не нуждаюсь в ваших успокоительных, – проворчал он.

– Вы так мечетесь во сне, что у вас могут разойтись швы.

София раскрыла саквояж и достала бутылочку с янтарной настойкой и небольшое, но хитрое приспособление, так называемую ложку Гибсона, у которой имелась «умная» крышечка, предотвращающая пролитие в том случае, если пациент пребывает не в настроении и отказывается принимать лекарство. По-видимому, сейчас она могла пригодиться. София налила микстуру в ложку, вернулась к постели и поднесла ложку к его рту. Уэстфилд резко отстранился.

– Что это, черт побери?

– Лекарство, о котором я говорила. Уверяю вас, это то, что прописал доктор Тримбл. Откройте, пожалуйста, рот.

Откинувшись на спинку кровати, Хейден упрямо скрестил руки на груди. Недолго думая, она зажала ему нос; граф, желая высказать все, что думает о нахальной сиделке, раскрыл рот, но прежде чем он успел вымолвить хоть слово, София одним ловким движением влила лекарство ему в рот. Хейден закашлялся и, совершенно по-простецки вы-

терев рот тыльной стороной ладони, уставился на нее. Леди Прескотт велела быть с ним строже; возможно, она несколько перестаралась, но дело сделано, назад не вернешь. София развернулась, подхватила лампу и направилась к двери, и вдруг, словно сам дьявол подтолкнул ее, она обернулась и на прощание отсалютовала графу своей хитроумной ложкой.

– Спокойной ночи, милорд, желаю приятных сновидений.

– Вот маленькая наглая... чертовка, – прорычал он, и его шок сменился яростью. Она закрыла за собой дверь. – Вы уволены, мисс Камден! – Его басовитый рык не смогла приглушить даже закрытая дубовая дверь. – Вы слышите меня, мисс? Вы уволены. Уволены к чертям собачьим!

Хейден откинул с лица шелковую простыню и, сощурившись, взглянул на окно, сквозь которое струился поток яркого утреннего света. Кто посмел так рано раздвинуть занавески? Селия? Нет, девочка сейчас у сестры, которая решила, что так раненому будет спокойней. Мэтьюз? Одернув ночную рубашку, он открыл было рот, чтобы кликнуть лакея, и тотчас захлопнул его. Перед камином спиной к нему стояла стройная женщина в темно-синем платье и белом переднике. На голове у нее было нечто похожее на накрахмаленную салфетку с крылышками. Он нахмурился. С чего вдруг миссис Бичем стала наряжать горничных в такие странные шляпки? Куда подевались старые штуковины, которые они носили раньше... чепицы? чепцы? Как бы они ни называ-

лись, они были страшны как смертный грех, но это накрахмаленное уродство ничуть не лучше. В затуманенной памяти всплыло воспоминание о дерзкой сиделке. Граф негромко чертыхнулся – впрочем, наверняка это был сон. И тут его взгляд упал на комод, на котором стоял докторский саквояж и бутылочка с янтарной жидкостью. Дьявол, это был не сон!

Хейден кашлянул, и женщина обернулась. Первым, что бросилось ему в глаза, было фарфоровое судно у нее в руках. Затем он обратил внимание на ее глаза, обрамленные длинными ресницами, которые были загнуты так, что удлинляли миндалевидные глаза, такие темные, что даже на столь небольшом расстоянии он не мог отличить зрачок от радужной оболочки. Граф пристально и даже несколько бесцеремонно разглядывал девушку. Нежный овал лица, прямой нос, пухлые губы и довольно смуглая кожа. Черные как безлунная ночь волосы были стянуты в тугий пучок, элегантно размещившийся на затылке. Она походила на уроженку Средиземноморья, такая хорошенькая и даже экзотичная.

Граф мысленно ухмыльнулся и попытался приподняться, но острая боль пронзила ногу, напомнив ему о последней связи с женщиной, у которой тоже были необычные глаза и привлекательное лицо. Хейден провел рукой по забинтованному бедру и мысленно, в который уже раз, выругался в адрес этой психованной Адели. Он бросил на девушку злой, пугающий взгляд, но в ответ она лишь улыбнулась. Несколько озадаченный, Хейден снова всмотрелся в ее лицо: может,

это другая девушка, не та, на которую он накричал ночью? Видно было, что она вовсе не напугана, хотя он, казалось, сделал все, чтобы испугать сиделку.

– Доброе утро, лорд Уэстфилд. Надеюсь, вы хорошо спали.

– Черт побери! Все-таки та самая чертовка!

Он узнал ее мягкий тихий голос и слабый соблазнительный запах лаванды и лимона, исходящий от ее кожи.

– Разве я вас не уволил?

Поставив судно у изножья кровати, она вопросительно приподняла брови.

– Уволили?

– Вы прекрасно знаете, что именно это я и сделал.

– Вы готовы позавтракать, милорд?

Неужели эта женщина не понимает, что он граф Уэстфилд? Человек, к которому некоторые относились с почтением, иные презирали, а многие просто боялись. Человек, с которым лучше вести себя осмотрительно. Он нахмурил брови и плотно сжал губы – увидев такое выражение на его лице, слуги обычно старались скрыться и разбежались, подобно мраморным шарам на палубе накренившегося корабля.

– Вот только, сэр, перед завтраком необходимо сделать перевязку.

– Вы плохо меня слышите? – спросил он, повышая голос.

– Нет, милорд.

– Тогда вы просто издеваетесь надо мной! Может, кто-то решил сыграть с вашей помощью злую шутку?

Хейден бросил взгляд на открытую дверь. Конечно, за раскрытой створкой прячется этот пройдоха лорд Саймон Адлер и, слушая их диалог, хихикает, прикрывая рот своей пухлой лапой. Она проследила за его взглядом.

– Если это и так, то мне об этом ничего не известно.

Хейден нервно провел рукой по волосам и откинулся на подушки. Он и не помнил, когда последний раз молился, но сейчас готов был попросить божественного вмешательства, а еще лучше – удара молнии.

– Внимательно послушайте, что я вам скажу, мадам. Вы уволены!

– Вы не можете меня уволить.

Он осмотрел ее одеяние. Хотя эта шляпка была странно-ватой, весь остальной наряд никоим образом не свидетельствовал о ее нездоровом уме. Платье не было надето задом наперед, пуговицы были правильно застегнуты, и она не носила на голове панталоны. Тем не менее она безусловно страдала каким-то умственным расстройством, если считала, что он не вправе ее выгнать.

– Это мой дом, мадам. Уверю, я могу вас уволить, так что оставьте меня и прощайте.

– Милорд, меня наняла ваша сестра, и, полагаю, только леди Прескотт может меня уволить.

Она начала сворачивать одеяло.

– Какого черта вы собираетесь делать, мисс?.. – Проклятье, эта женщина так разозлила его, что ее имя выскочило у него из памяти. Легкая улыбка появилась на лице девушки.

– Мисс София Камден.

– Мисс Камден, прислав вас, моя сестра, очевидно, решила скорее отправить меня в могилу. К тому же она не имеет права распоряжаться в моем доме и не может навязывать мне ваши услуги. Более того, если вы еще раз дотронетесь до моего одеяла, я уложу вас поперек кровати и крепко отшлепаю.

Краска залила ее щеки цвета меда.

– В-вы не посмеете.

– Вы серьезно рискуете, провоцируя меня, ведь я довольно легко поддаюсь на такого рода провокации.

Девушка отступила на шаг и, словно строгая нянька, угрозила ему пальцем.

– Вашу рану нужно перевязать, а я здесь единственная, кто может это сделать, поэтому позвольте мне все-таки сменить бинты, тем более что доктор Тримбл сегодня не придет.

Он коротко кивнул в сторону двери:

– Вон!

София в раздражении резко развернулась, взмахнув юбками, и потянулась к саквоюжу.

– Мисс Камден. – Она обернулась. Хейден кивком указал на бутылочку с лекарством. – Заберите это чертово зелье.

Она отрицательно покачала головой.

– Нет, пусть останется у вас. Если рана загноится и нач-

нется сепсис, доктору Тримблу придется ампутировать вам ногу, а как только наркоз перестанет действовать, вам понадобится эта микстура. И, поверьте, вы еще полюбите эту настойку.

Подхватив саквояж, София направилась к двери. Черт ее побери, эта интриганка пытается им манипулировать. И словно насмехаясь над ним, острая боль снова пронзила раненое бедро. Хейден стиснул зубы.

– Мисс Камден, – окликнул он девушку, когда та уже ступила на порог. София обернулась. – Я хочу, чтобы вы перед уходом обработали мою рану.

Невозмутимо, словно ничего не произошло, девушка поставила саквояж, вернулась к постели и снова откинула одеяло, обнажив его ноги. Ловко и быстро она начала снимать бинты.

– Вы не чувствуете онемения в ноге или в ступне? – спросила она.

– Нет.

Наконец она сняла последнюю полоску ткани, внимательно осмотрев лоскут тонкого хлопка, закрывавшего ужасную, но тщательно зашитую рану. Казалось, она не испытывает ни капли отвращения.

– Вы работаете в хирургическом отделении, мадам?

– Нет, не работаю.

– Тогда скажите мне, какую медицинскую подготовку вы получили?

– Последние пару лет я работала с доктором Тримблом и все свои знания приобрела благодаря ему и его обширной библиотеке. Сейчас вы можете считать меня ассистентом доктора Тримбла.

– Я встречался с ассистентом Тримбла. Это пухлый рябой коротышка с обрюзгшим лицом. – Он окинул ее взглядом. – Вы преобразились волшебным образом.

– Это мистер Бейли. Он помогает доктору Тримблу во время операций. Я же помогаю Томасу... доктору Тримблу принимать пациенток.

– Женщина-ассистент? – Он никогда не слышал ни о чем подобном.

Тепло ее пальцев, пробегающих по его бедру, и пробуждаемый ими жар заставили Хейдена снова посмотреть на рану. Испытывая нестерпимый зуд, он протянул руку, чтобы почесать поврежденную кожу.

– Нет, нет, не трогайте. – Она отвела его руку. – Я читала исследование доктора Джозефа Листера по принципам антисептики. Непременное требование – держать рану в чистоте. Я сняла повязку лишь для того, чтобы посмотреть, не загноилась ли рана. К счастью, нет.

Сложив руки на груди, Хейден согласно кивнул. Что ж, похоже, господь наградил мисс Камден не только потрясающими глазами, но еще и умом. Он окинул ее взглядом. На ней было скромное, лишенное украшений платье – будь накрахмаленный воротничок чуть выше, оно стало бы по-

ходить на одеяние монашки. Кроме того, ни одна прядь не выбилась из гладко зачесанного тугого пучка. Весь ее вид был строг и более подходил пожилой даме, а ей на вид было не больше двадцати трех, возможно, двадцати четырех лет. Она склонилась над его ногой, и Хейден чуть повернул голову, чтобы получше рассмотреть ее скрытые юбками, но, безусловно, изящные бедра. Однако, какой роскошью обладает эта девочка. От такого зрелища кто угодно захочет ее оставить. И тут его взгляд наткнулся на судно. Ну уж нет, он не позволит ей каждый день запихивать эту чертову посудину себе под зад, а тем более вытаскивать ее. У него все-таки осталась гордость.

– Я отправлю доктору Тримблу записку и сообщу, что предпочитаю сиделку-мужчину.

– Милорд, почему вы не хотите дать мне возможность доказать свою компетентность? Пусть это будет так называемый испытательный срок, скажем, дней десять?

– Нет, мисс Камден, никакого испытательного срока.

Она закончила бинтовать ногу и посмотрела ему прямо в глаза:

– Считайте это вызовом.

Похоже, эта маленькая плутовка с изрядной долей нахальства использовала против него его собственные слова. Озорной блеск в ее темных глазах вызвал у него странное, почти забытое чувство радостного возбуждения.

– Вызов, говорите?

Она быстро облизнула губы и улыбнулась – чудесной открытой улыбкой, от которой на щеках появились ямочки.

– Да, милорд.

Хейден потер рукой подбородок, рассматривая ее. Ему всегда нравились битвы умов, особенно с достойным противником, и, возможно, именно это ему и нужно, потому что уже до чертиков надоело лежать в этой богом проклятой постели. А что до интимных потребностей – всегда можно вызвать слугу.

– Я принимаю ваш вызов, мадам. – Ее улыбка стала шире, словно она перехитрила его. – Мисс Камден, вы ведь понимаете, что пари интересно лишь тогда, когда спорящие делают ставки. Мы должны придать этому делу определенный интерес и что-то поставить на результат.

– Ставки?

– Именно так. Скажем, если вы продержитесь десять дней, я добавлю существенную премию к той сумме, которую вам обещала моя сестра. Более того, вы сможете оставаться здесь столько времени, сколько мне понадобится для полного выздоровления. Однако, если вы захотите уйти ранее назначенного времени... – Он в задумчивости поскреб заросший щетиной подбородок. – Не могу сказать, какой приз мне хотелось бы получить, но постараюсь придумать нечто, достойное моей победы.

– У меня нет желания делать ставку на результат, но если вы настаиваете, мы могли бы заключить джентльменское со-

глашение.

Разве она не слышала, что, несмотря на происхождение, немногие решились бы назвать его джентльменом?

– Ага, очевидно, вы не настолько уверены в себе, – откровенно провоцируя, произнес Хейден. Она прикусила губу. – Что ж, забудьте о моем предложении, мисс Камден, вы бы в любом случае проиграли.

В глазах Софии сверкнул гневный огонек, и она по-мужски протянула ему ладонь для рукопожатия.

– Я вполне уверена в своих силах и потому согласна на ваши условия.

Граф пожал ее изящную ладонь, и по его пальцам разлилось тепло ее кожи. Он готов был удовлетвориться тем, что преподнесет деловитой мисс Камден урок, которого она никогда не забудет, и потом заявить о своей победе и праве на приз.

– Да поможет вам Господь, мисс Камден.

Глава 3

Глядя в голубые глаза лорда Уэстфилда, София старалась не поддаваться их чарующему, но дьявольскому блеску. Входя в спальню графа, она ожидала увидеть человека вульгарного и даже хамоватого с лицом расшвирипевшего дьявола, ведь именно таким он был утром. Но свет дня открыл неожиданное. Уэстфилду было, вероятно, лет тридцать, то есть минимум лет на пять меньше, чем его сестре леди Прескотт. И если кто-то выберет для него слово «красивый», оно будет уместным. Его вполне можно было назвать красивым мужчиной. Каштановые, слегка выующиеся волосы, высокие, четко очерченные скулы и твердый, выдающийся подбородок, свидетельствующий об упрямом нраве. Но главным были его глаза восхитительного синего цвета, словно в них плескалась вся синева Средиземного моря. Не отрывая от нее взгляда, Уэстфилд провел рукой по подбородку, покрытому темной щетиной.

Что же она наделала, бросив вызов этому шельмецу? София почти видела, как в его голове крутятся шестеренки, просчитывая следующий ход. Что же он придумает, чтобы вынудить ее проиграть пари и заплатить по счету. Тоскливо засосало под ложечкой.

– Мисс Камден, вы сказали, что помогаете доктору Тримблу принимать пациенток? – Она кивнула. – Значит, обычно

вы не ухаживаете за пациентами-мужчинами?

Вероятно, ей не стоило этого признавать, ведь он может посчитать, что это делает ее менее квалифицированной.

– Я работаю в основном с женщинами, а также ухаживаю за детьми, в том числе и за мальчиками.

– Мальчик – это не мужчина.

Вот какую игру он ведет! Этот негодник думает, что отпугнет ее нескромными разговорами.

– С анатомической точки зрения, милорд, мальчики не особо отличаются от мужчин. Разумеется, есть очевидные отличия, их мышцы не так сильно развиты, и, кроме того, они продолжают расти.

– Что именно продолжает расти?

Негодяй по-мальчишески ухмыльнулся. Дерзость вопроса показывала, что София верно угадала его намерение.

– Тело, разумеется.

– Это понятно, мадам, но не могли бы вы дать более точный ответ?

Абсолютно безнравственный тип!

– Конечно, милорд. Например, ноги.

Он от души рассмеялся.

– Не такого ответа я ждал, мисс Камден, но, возможно, анатомические атласы доктора Тримбла не столь подробны.

– Журналы и иллюстрированные книги доктора Тримбла достаточно детальны, – с ноткой раздражения ответила она.

– В самом деле? Ну что ж, когда доктор Тримбл появит-

ся здесь, я, пожалуй, спрошу у него, из каких таких книжек он черпает свои анатомические знания. Я скажу ему, что вы рассказали мне об имеющихся в них качественных иллюстрациях и тем вызвали мой неподдельный интерес к этим изданиям.

У Софии запылали щеки. Этот нахал, похоже, не имел ни малейшего представления о приличии – ну и черт с ним, все равно Томас ему не поверит. Поджав губы, она подошла к изножью кровати, собираясь укрыть его. Хейден прижал одеяло здоровой ногой, усмехнулся и закинул руки за голову.

– Мисс Камден, мне нужно принять горячую ванну, и я очень хочу, чтобы вы потеряли мне спинку. Тогда, моя дорогая, вы получите настоящий урок анатомии. – Он кивком указал на боковую дверь. – Чистую ночную сорочку вы найдете в моей гардеробной.

Хитрая улыбка, растянувшая его губы, ясно говорила, что, по мнению графа, он одержал безусловную победу и сиделка сейчас же выскочит из комнаты и сбежит из его дома, как это сделал ее предшественник. Но титулованного хитреца ожидал полный провал.

– Да, прямо сейчас.

Он удивленно моргнул.

– Вы собираетесь меня мыть?

– Простите сэра, но разве я не говорила, что леди Прескотт доверила мне лишь медицинский уход? Честь обхаживать вас во время купания принадлежит исключительно вашему

лакею мистеру Мэтьюзу.

– Будь проклята Эдит вместе со своей ханжеской моралью, – пробормотал он.

София кивнула в сторону стоявшего под кроватью судна.

– Он же будет помогать вам с этой фарфоровой посудинкой. Надеюсь, у вас больше не возникнет желание искупать кого-нибудь в ее содержимом. – Хейден, нахмурившись, смотрел на девушку. – А теперь извините меня, я скажу Мэтьюзу, что вы готовы принять его помощь.

София присела в неглубоком реверансе и вышла из комнаты. Закрыв за собой дверь, она устало прислонилась к дубовой створке. Под ее прикрытыми веками возник образ великолепного тела лорда Уэстфилда. Никогда еще она не видела столь прекрасно сложенного мужчину. По правде говоря, богатые иллюстрациями медицинские книги Томаса не подготовили ее к общению с мужчиной, у которого ноги словно списаны с фрески Микеланджело «Сотворение Адама». В тот момент ей было довольно сложно притворяться равнодушной. А теперь она так глупо позволила этому человеку вовлечь ее в спор. Почему она повела себя так опрометчиво? Это имело бы смысл, нуждайся она в деньгах, но она не была стеснена в средствах. Однако сопротивление его светлости заставило Софию почувствовать себя не соответствующим требованиям работником и напомнило о жестких словах двоюродного дедушки Чарлза, который прямо говорил о ее никчемности. Безусловно, ей хотелось доказать

всем и, наверное, даже самой себе, что она квалифицированный специалист, хотелось показать его светлости, что она может позаботиться о нем не хуже любого санитара-мужчины. Но бросать ему вызов было довольно рискованно, не говоря уж о том, что совершенно неразумно было соглашаться, не зная цены. Такой хитрец пойдет на любые уловки, лишь бы вынудить ее сдаться. Так она не только не сможет доказать свою компетентность, но и вступит в игру, которая лишь повеселит лорда Уэстфилда. София расправила плечи – что ж, отступать некуда, она продержится до конца, и граф не получит свой неизвестный приз. Она много лет выдерживала язвительные замечания дедушки Чарлза и, конечно же, вытерпит все издевки. Но в таком случае следовало поднять ставки. София развернулась и постучала в дверь спальни графа.

– Войдите, – отозвался его низкий голос.

Расправив плечи, она подошла к изножью огромной кровати.

– Если я выиграю, милорд, то у меня будет еще одно условие. – Хейден удивленно изогнул темные брови. Собравшись с духом, София выпалила: – Вы знаете Рассела Гарни?

– Из Палаты общин? Разумеется.

– Мистер Гарни надеется изменить закон, который не позволяет женщинам сдавать экзамен на врача, и в случае моей победы в пари вы будете должны поддержать эти изменения.

Его голубые глаза широко раскрылись.

– Вы хотите стать доктором, мисс Камден?

София выпрямилась в струнку и высоко подняла голову. Как только она заикалась об этом, ее тут же начинали высмеивать, особенно двоюродный дедушка Чарлз. Но с тех пор все, кого она любила, ушли из этого мира, и, возможно, если ей удастся получить диплом врача, она сможет помочь другим людям не терять близких – и не испытать того одиночества, которое иногда накатывало на нее.

– Да, хочу, милорд, причем доктором, специализирующимся на лечении женщин.

В комнате стало тихо, и несмотря на то что на лице его светлости не появилось ни намек на пренебрежение, по спине молодой женщины пробежали мурашки страха.

– Очень хорошо, мисс Камден, если вы выиграете, я поддержу усилия лорда Гарни.

София облегченно вздохнула:

– Вы это сделаете?

– При всех своих недостатках, мадам, я человек слова. – Он улыбнулся. – Но сначала вы должны справиться с вызовом, чтобы не остаться у меня в долгу.

Безусловно, София Камден приложит все силы, чтобы выиграть пари. Она была готова проявить максимум терпения и упорства, чтобы не поддаться ни на какие провокации его светлости. Ей совершенно необходимо выдержать все. Политический авторитет графа помог бы ей в исполнении ее заветной мечты.

На следующее утро ровно в девять тридцать София подошла к двери спальни Уэстфилда. Вчера граф на протяжении всего дня всячески испытывал ее терпение. Он то беспрестанно жаловался, то вдруг начинал ругаться, как пьяный матрос, то задавал провокационные вопросы о человеческой анатомии. Она отказывалась отвечать, а он лишь усмехался своей мальчишеской улыбкой, прекрасно понимая, что выводит ее из себя. К счастью, его светлость проводил большую часть вечера в счетах и документах, разбросанных по его постели, как листья клена в осенний день. Необычное занятие для представителя знати, отличительной чертой которой была скорее праздность. Она коротко постучала по тяжелой дубовой двери и решительно вошла в спальню. Уэстфилд лежал на кровати лицом вниз, и когда она вошла, лишь лениво пошевелился. София подошла к окну и раздвинула голубые занавески. В комнату проник свет серого дня. Граф с ворчанием натянул на себя покрывало. София кашлянула.

– Милорд, у меня на одиннадцать часов назначена встреча, и перед уходом я хотела бы осмотреть вашу ногу.

Из-под покрывала послышался тихий сонно-расслабленный голос:

– Мисс Камден, осмелившись разбудить меня так рано, вы рискуете перейти грань между дерзостью и настоящим безумием.

Он сдернул с головы одеяло и перевернулся на спину, придерживая раненую ногу. Несмотря на ночное одеяние и

взъерошенные волосы, он выглядел привлекательно. «Интересно, каково это проснуться рядом с таким сильным женщиной?» Она отбросила свои фривольные мысли. Хейден сонно прищурился:

– Я никуда не собираюсь, мадам. Вы можете осмотреть меня по возвращении.

Очевидно, ей предстоял еще один день капризов – так тому и быть. Оставив его слова без ответа, София прошла в ванную, вымыла руки и взяла чистые бинты. Вернувшись, она обнаружила, что Уэстфилд снова перевернулся на живот и, похоже, опять заснул. Неужели он думает, что она так легко отступится? Что ж, она его удивит. Она сдернула одеяло, обнажив крепкую фигуру Хейдена, тонкая ночная рубашка с предельной откровенностью обрисовала его крепкие ягодицы.

– Мне перевернуться, мисс Камден, чтобы вы смогли увидеть еще кое-что? – спросил Уэстфилд приглушенным подушкой голосом.

София нервно сглотнула. Как долго она стояла, уставившись на его зад? Метнувшись к изножью кровати, женщина накинула на лежавшего простыню. Граф перекатился на спину и, криво усмехнувшись, взглянул на свою сиделку.

– Вот это сюрприз, мисс Камден! Кто бы мог подумать, что вы настолько стеснительны.

Подбоченившись, она сердито посмотрела на него.

– А вы, сэр, не джентльмен. Пожалуйста, сейчас же при-

ведите в порядок вашу рубашку и обнажите ногу.

Оправив ночную рубашку, Хейден снова ухмыльнулся.

– Ладно, будь по-вашему. Думаю, вы успели рассмотреть меня достаточно хорошо.

Ее щеки покрыл легкий румянец.

– Не льстите себе. У меня есть работа, которую я должна выполнять, и для меня вы ничем не отличаетесь от детей, за которыми я ухаживаю. На самом деле, тем, что мне удалось увидеть... вы напомнили мне маленького Эдварда Шора.

Самодовольная улыбка Уэстфилда исчезла.

– Кто, черт побери, этот маленький Эдвард Шор?

– Один из пациентов доктора Тримбла. Бедный малыш заболел на прошлой неделе, и я помогала матери купать мальчика в холодной воде, чтобы сбить температуру.

Его светлость слегка побледнел и стал походить на человека, страдающего расстройством желудка. Видимо, графу еще не доводилось слышать в свой адрес столь нелицеприятного замечания. Нет, она готова поспорить, что его любовницы теряли чувства при виде такого шикарного мужского тела.

– О, милорд, похоже, вы расстроились. Не стоит беспокоиться, малыш Эдвард уже поправился.

– Сколько лет?

– Что?

Хейден нетерпеливо прищелкнул пальцами.

– Сколько лет этому мальчишке?

Она на секунду задумалась.

– Думаю, около девяти, но он такой subtilный, что выглядит лет на семь.

Чтобы скрыть улыбку, София склонилась над раненой ногой и начала разматывать бинты. Она ждала какого-нибудь резкого или остроумного замечания, но Уэстфилд молчал, что не предвещало ничего хорошего. Проклятье, о чем он думает?

– Я сменю повязку и перед уходом принесу вам завтрак.

– Куда вы собрались, если не секрет?

– Я помогаю в уайтчепельской миссии и ист-эндской амбулатории. Мы с доктором Тримблом работаем там раз в неделю.

Уэстфилд изумился.

– Уайтчепел? Это же самые недра ада. Надеюсь, Тримбл не оставляет вас там одну?

– Сэр, вы беспокоитесь о моей безопасности?

– Он остается с вами? – с нажимом повторил свой вопрос граф.

– Да, он заедет за мной в одиннадцать часов.

София закончила осматривать рану и прошла в ванную. Выбросив использованные бинты в эмалированное ведро и тщательно вымыв руки, она вернулась в спальню.

– Сейчас принесу вам завтрак.

– Мисс Камден, кто еще настолько чокнутый, кроме доктора Томаса, чтобы считать размазню, которой меня кормят,

завтраком?

– Милорд, многие люди начинают свой день с миски горячей каши.

– А что вы ели на завтрак?

По его тону было понятно, что он ожидает чего-то как минимум вкусного.

– Последние два дня я, как и остальная ваша прислуга, завтракала кашей.

Хейден нахмурился.

– И они это едят каждый день?

Вопрос прозвучал так, словно его замутило от одной только мысли об этом.

– Не знаю, но вполне вероятно.

– Я хочу, чтобы мне подали нечто более существенное.

София заметила упрямую складку, появившуюся возле губ. Будучи не в настроении спорить с графом, она решила, что возвращение к обычному рациону может улучшить его настроение. Хоть и маловероятно.

– Хорошо, я скажу вашему повару, что вы можете перейти на более привычное питание.

– И заодно передайте миссис Бичем, что я хочу поговорить с ней. Немыслимо каждый день пичкать прислугу кашей.

Его раздражение скудностью рациона слуг удивило Софию. Кивнув, она вышла из спальни. Проходя мимо зеркала в холле, она не преминула взглянуть на себя, и увиденное

не порадовало: на ее лице читалась усталость. Святая Мария! О чем она только думала, глаза на задницу Уэстфилда, словно это ценный экспонат, выставленный в Британском музее. Неудивительно, что этот негодник так самодовольно ухмылялся. Она приложила прохладные ладони к внезапно вспыхнувшим щекам. Пропади оно все пропадом! Этот мужчина никак не походил на малыша Эдварда. Он великолепен, и прекрасно это знает!

Полчаса спустя София поднималась по лестнице, держа в руках поднос с завтраком графа. На площадке она увидела лакея, закрывавшего дверь в спальню. Мэтьюз, лысеющий мужчина далеко за сорок, вздрогнул, увидев ее, и, сменив затем несколько оттенков красного, покраснел так, что стал цвета спелого помидора. Софии показалось, что сейчас он упадет в обморок, и она бросилась вперед. Крышки тарелок звякнули, а сливочник северского фарфора опасно накренился.

– Мистер Мэтьюз, вам плохо?

Лакей покачал головой, достал из кармана большой белый платок и вытер блестящий лоб. Руки у него дрожали, как у разбитого параличом человека.

– Мисс, – произнес он, засовывая влажный платок обратно в карман, – позвольте мне подать завтрак его светлости. Я настаиваю на этом.

София внимательно посмотрела на него.

– Мистер Мэтьюз, уверяю вас, я смогу справиться с лю-

бым вздором, который может устроить или сказать его светлость. Будьте добры, откройте, дверь.

Он глубоко вздохнул:

– Я войду вместе с вами, мисс Камден.

София коротко кивнула, и Мэтьюз медленно распахнул дверь. Она шагнула внутрь и от удивления едва не уронила поднос. Кровать была пуста, что за чертовщина! Вот глупец! Как опрометчиво разгуливать с такой раной. Открытая дверь частного кабинета подсказала, где скрылся пациент. Личная гостиная? С того места, где она остановилась, можно было разглядеть кушетку и несколько стульев, обитых таким же роскошным голубым дамасским шелком, из которого были сшиты занавески и покрывало. Как и в спальне, белые стены были богато украшены лепниной и панелями из мореного дуба.

– Мэтьюз, когда появится мисс Камден, проводите ее сюда.

Что-то в тоне графа и явном смущении Мэтьюза заставило ее ощутить странное предчувствие. Святые угодники, что он придумал? Осторожно ступая, София с опаской вошла в комнату и тут же замерла, испытав сильный шок. Обнаженный граф возлежал в шезлонге, его чресла прикрывала узкая полоска ткани, а на губах играла самодовольная ухмылка.

Глава 4

У Софии пересохло в горле. До этого момента она и не знала, что грудная клетка мужчины может быть лучше, чем у «Давида». Она видела статую в музее Южного Кенсингтона и сейчас, глядя на Уэстфилда, поняла, что великолепно сложенное тело юного Давида блекнет при сравнении с фигурой графа. Широкие плечи, как и отменно развитые мышцы груди и живота, производили неизгладимое впечатление. Кроме того, перед ней была не холодная мраморная скульптура, а живой человек с теплой кожей и тонкой полоской коротких волос, уходившей вниз под символическое прикрытие из ткани. Хейден широко и вполне доброжелательно улыбнулся.

– Ох, мисс Камден, я голоден как волк.

Она постаралась скрыть вожеление, безусловно сквозившее в ее взгляде.

– Где ваша ночная рубашка, милорд?

– Мне стало жарко, и я ее снял. А поскольку я похож на малыша Эдварда, которого вы недавно купали, то решил, что вы не станете возражать.

София обернулась к лакею.

– Мистер Мэтьюз, будьте добры, принесите его светлости ночную рубашку.

– Я не стану ее надевать. Если вы хотите работать здесь,

вам придется смириться с моей наготой – в любом случае, вы всегда можете уволиться.

Мэтьюз поспешно направился в гардеробную, а София отвернулась, чтобы поставить поднос с завтраком на большой стол красного дерева. Наконец ей удалось осмотреться. На стенах висело немалое количество картин, в основном это были пейзажи. Впечатляющая коллекция, руку одного мастера она определенно узнала: великолепный пейзаж Каналетто с видом Темзы. И тут ее взгляд наткнулся на нечто до боли знакомое. Это была одна из работ ее деда, одна из тех, которые София, к сожалению, продала. В груди все сжалось. Женщина поборола желание подойти к картине. Если бы она знала, что пейзаж оказался у Уэстфилда, она бы дополнила ставку в их пари. Спустя минуту вернулся Мэтьюз, неся ночное одеяние графа, Уэстфилд недовольно взглянул на слугу.

– Мэтьюз, у тебя так же плохо со слухом, как у мисс Камден? Я же сказал, что не желаю надевать это.

Он раздраженно взмахнул рукой, прогоняя слугу. От этого, казалось бы, легкого движения, под кожей очертились плечевые мускулы, а мышцы живота напряглись, и стали заметны ровные кубики пресса. От такого зрелища София просто не могла оторвать взгляд. Кто-то из слуг буквально вчера обмолвился при ней, что его светлость состоит членом лондонского гребного клуба. Неужели занятие этим элементарным видом спорта помогло ему так развить мускулатуру, или господь расщедрился в момент его сотворения? Тепло раз-

лилось внизу живота, а по коже в странном контрасте пробежало холодящее покалывание. Это было уже слишком! София выхватила из рук направившегося к выходу Мэтьюза рубашку и повернулась к Уэстфилду. Стараясь скрыть смущение, которое вызывала его нагота, она, тем не менее, не смогла не взглянуть на неширокую полосу волос, которая спускалась до... Граф негромко хмыкнул. София моментально подняла глаза: глядя на сиделку, негодяй ухмылялся, словно карнавальный шут. Она бросила ему на грудь рубашку и тут заметила прислоненные к стене костыли. Ага, так вот, значит, каким образом он смог перебраться в эту комнату. Интересно, откуда они взялись? София бросила косой взгляд на Мэтьюза, который тут же покраснел и отвел глаза в сторону. Женщина решительно подхватила костыли. Уэстфилд недовольно нахмурил брови.

– Что вы делаете, мадам?

Игнорируя его вопрос, она подошла к столу, примостив деревянные ходунки к столешнице.

– Извините, сэръ, но вам нельзя вставать.

Вспомнив наконец о завтраке, она приподняла серебряную крышку одного из блюд, где исходила паром яичница из трех яиц с тонкими, почти прозрачными ломтиками великолепного бекона. Сочный аромат моментально заполнил комнату.

– Кажется, ваш повар из простейшего создал настоящий шедевр. – Она обернулась к застывшему в дверях Мэтьюзу. –

Как вы считаете, мистер Мэтьюз?

– Да, мисс, – ответил тот, снова вытирая лоб платком.

София разрезала бекон на маленькие кусочки и, поддев один из них на вилку, поднесла к губам.

– Вы не получите завтрака, сэ, пока не наденете рубашку. Еда настолько аппетитна, что я, пожалуй, сама ее попробую, так что чем дольше вы будете тянуть с одеванием, тем меньше вам останется.

Граф с нескрываемой злобой взглянул на сиделку и попытался встать. София отреагировала моментально и протестующе вскинула руку.

– Не стоит этого делать сэ, швы могут разойтись, и ваше выздоровление пойдет медленнее.

Хейден оставил попытки подняться.

– Мисс Камден, если вы не прекратите...

Она поднесла вилку к губам и со вкусом стянула ломтик с фамильного серебра.

– М-м-м, не знаю, сколько вы платите месье Лорану, но ваш повар стоит каждого фунта. Бекон приготовлен идеально. – Она повернулась к лакею. – Мистер Мэтьюз, не желаете попробовать?

Лицо Мэтьюза моментально стало бледным как полотно. Судорожно сглотнув, он посмотрел на хозяина, у которого рот раскрылся в возмущенном удивлении.

– Мэтьюз, попробуй съесть хоть крошку, хоть понюхать, и твой тощий зад сегодня же окажется на улице. А сейчас

забери у этой ненормальной мой завтрак и подай мне!

Бедный лакей снова был на грани обморока. София догадывалась, что бедолага не может понять, почему граф до сих пор не уволил ее, как увольнял тех, кто отказывался пресмыкаться перед титулованным хамом. Не желая втягивать слугу в их принципиальный спор, София с предельной твердостью произнесла:

– Милорд, я не выпущу из рук этот поднос, пока вы не наденете ночную рубашку.

– Мэтьюз, подай мне мои костыли, – рявкнул Уэстфилд.

София бросила на Мэтьюза извиняющийся взгляд.

– Милорд, чего вы ожидаете от Мэтьюза? Что он силой вырвет их у меня?

– Да, черт побери, если потребуется.

Мэтьюз промокал вспотевший лоб спасительным платком и переводил взгляд с хозяина на сиделку, словно следил за теннисистами на хэмптонском корте.

– К-кажется, меня зовут. Иду! – крикнул слуга и пулей вылетел из комнаты.

– Будь ты проклят, Мэтьюз! Бесхребетный слизняк! Ты бы не победил в стычке с этой мегерой, но мог хотя бы попробовать!

Граф гневно взглянул на Софию, но она лишь улыбнулась и подняла крышку второй тарелки, специально звякнув ею о ребро подноса.

– О, колбаски, восхитительно.

– Не смей этого делать, чертовка.

– А вам известно, что месье Лоран ушел на рынок? – Она покачала головой. – Конечно же нет, в вашем-то заточении. Но ведь вы же должны понимать, что это значит? – Не дожидаясь ответа, она продолжила: – Это означает, что на кухне нет никого, кто мог бы приготовить такие вкусные блюда. – Лицо Уэстфилда приняло еще более грозное выражение, если такое вообще было возможно. – Впрочем, не стоит волноваться, безусловно на кухне осталось немного каши. – Она поморщила носик. – Хотя, наверное, она уже сильно подсохла и стала похожа на загустевший клейстер.

Еле сдерживаясь, Уэстфилд схватил ночную рубашку и натянул ее на себя.

– Вам, дорогая моя, повезло, что я не могу ходить, потому что иначе я бы свернул вашу изящную тонкую шейку.

На короткое мгновение по спине Софии пробежал холодок испуга. У Уэстфилда были действительно сильные руки, такими граблями можно не только переломить ей шею, но и свернуть соверен в трубочку. Она отбросила пугающие мысли и промокнула уголки рта лежавшей на подносе салфеткой.

– Я скажу, чтобы принесли чистую вилку и салфетку.

– Не стоит, просто отдайте мне мой завтрак, – сказал он, застегивая ночную рубашку до самого горла. Софию такое скрупулезное следование ее требованию несколько разочаровало.

– Предупреждаю, мадам, я сниму рубашку, как только закончу завтракать.

– Хейден! – раздался от двери женский голос. – Ты ведь это не всерьез!

Уэстфилд откинулся на подушки шезлонга, и расслабленно вытянул вдоль тела свои мощные длани, глаза его неожиданно потеплели при виде женщины, которая входила в кабинет.

– Скажи мне, Эдит, неужели я был таким плохим братом, что заслужил быть закованным в узы этой несносной женщины?

Леди Прескотт вздохнула:

– Хейден, вопрос должен стоять иначе: какое затмение на меня нашло, когда я предложила такой милой и безупречно воспитанной девушке ухаживать за тобой? Мне следовало нанять санитарку одного из лазаретов Ист-Энда с ручищами молотобойца и лексиконом моряка.

Леди Прескотт стянула с рук лайковые перчатки темно-зеленого цвета, в тон выходному платью с турниором и многочисленными складками на подоле. Она пригладила каштановые волосы, свитые в сложный элегантный пучок.

– Мне очень не нравятся твои манеры, твое поведение выходит за рамки приличий, даже для такого субъекта, как ты. – Она повернулась к Софии. – Простите бесстыдство моего брата, мисс Камден, я вознесу молитву Господу, чтобы такого больше не случилось, но вы помните, я честно преду-

преждала, что ваша работа не будет легкой. Но я и представить не могла... нечто подобное.

Ее светлость молитвенно сложила ладони и горестно возвела взгляд, затем посмотрела на Софию.

– Надеюсь, дорогая, вы не собираетесь уволиться.

– Нет, леди Прескотт, я не собираюсь этого делать, вот только думаю, что вынужденное заточение несколько уязвило самолюбие графа и привело к некоторым странностям поведения. Полагаю, теперь нам остается лишь молиться и надеяться, что при правильной обработке раны здоровье сэра Уэстфилда быстро пойдет на поправку.

Леди Прескотт прижала руку к груди и облегченно вздохнула.

– Хорошо, моя дорогая, я знала, что могу рассчитывать на вас. – Она погрозила пальцем брату. – Мы должны благодарить Господа, что мисс Камден обладает таким огромным христианским милосердием, Хейден. Ты должен испытывать чувство стыда.

– В настоящий момент, дорогая, я испытываю лишь чувство голода. – Он указал на поднос. – Мой завтрак, мисс Камден.

София поставила поднос ему на колени и обернулась к леди Прескотт.

– Могу я спросить, как ваше самочувствие, миледи?

– Совсем неплохо. Простуда прошла окончательно.

София улыбнулась.

– Рада это слышать.

Уэстфилд подцепил большой кусок бекона вилкой.

– Эдит, я бы предложил тебе позавтракать, но повар ушел на рынок. Не хочешь ли горячего шоколада, чаю или тостов?

Он опустил кусок бекона в рот.

София деликатно кашлянула.

– Прошу прощения, милорд, не хочу показаться дерзкой, но, кажется, месье Лоран еще не ушел.

Уэстфилд едва не подавился.

– Что? – спросил он, откашливаясь, словно вдруг проглотил кусок лошадиного копыта. – Вы же сказали, что Лоран ушел на рынок.

София слегка всплеснула руками.

– Прошу прощения, сэр, наверно, я неясно выразилась. Мистер Лоран собирался идти за продуктами только через час.

На мгновение Софии показалось, что сейчас Уэстфилд швырнет в нее одну из тарелок, но вместо этого он широко осклабился.

– Вы достойный противник, мисс Камден. Очень достойный.

Леди Прескотт удивленно посмотрела на брата.

– Противник? Ради всего святого, о чем ты говоришь, Хейден? Мисс Камден, может, у вашего пациента горячка? Наверное, стоит вызвать доктора Тримбла?

– Эдит, я в полном порядке, и никакой горячки у меня

нет, как и нет желания видеть доктора Тримбла. Может, ты все-таки позавтракаешь со мной?

Леди Прескотт глубоко вздохнула.

– Нет, спасибо, – сказала она, садясь в мягкое кресло, стоявшее рядом с шезлонгом.

– А теперь, – София несколько замялась, – прошу прощения, сэр, но я должна оставить вас, чтобы ехать в Уайтчепел.

– Мисс Камден, – обратился к ней граф. – Я не привык, чтобы мои служащие работали по собственному расписанию.

– Ради бога, Хейден. – Сестра шлепнула его по руке перчатками. – Это я нанимала мисс Камден, и она предупредила меня о своей работе в миссии. – Леди Прескотт повернулась к ней и улыбнулась. – Я считаю похвальным, что вы с доктором Тримблом так много времени уделяете этим несчастным. Ты ведь помнишь, Хейден, что я патронесса уайтчепельской миссии, и многие уважаемые мной люди поддерживают меня в этом.

Равнодушно пожав плечами, Уэстфилд наколол на вилку остывшую колбаску.

– Конечно, дорогая, ты, доктор Тримбл и мисс Камден просто ангелы, посланные самим Господом.

Неужели этот заносчивый аристократ не испытывает к несчастным ни малейшего сочувствия? Стоит лишь один раз побывать в Ист-Энде, чтобы увидеть, как они страдают. Она видела молодых работниц, руки которых были в шрамах и

порезах, полученных от фабричных машин. Видела и мужчин, искалеченных тяжким трудом, но самое тяжелое впечатление на Софию произвели грязные, недоедающие дети, в глазах которых не читалось ничего, кроме страха и безнадежности. Вряд ли Уэстфилд хоть раз побывал в Уайтчепеле или его окрестностях. Тут же София вспомнила о своей сестре и племяннице и тех ужасных трущобах, которые они называли своим домом. Она поджала губы, едва сдерживаясь, чтобы не высказать графу все, что она о нем думает. Стараясь не выдать охватившего ее раздражения, молодая женщина обратилась к леди Прескотт:

– Рада была вас снова видеть, миледи.

– Я тоже, моя дорогая.

Как только мисс Камден вышла из комнаты, Эдит сердито взглянула на брата.

– Ты что, получаешь удовольствие, прикидываясь черствым чурбаном? Почему ты так старательно нарываешься на осуждение? Ты же вовсе не такой! И почему ты скрываешь, что являешься едва ли не самым крупным благотворителем уайтчепельской миссии?

– Ты считаешь, что эти моралисты простят мне все преступления, если узнают о моих пожертвованиях в пользу бедняков? Разве деньги могут принести мне отпущение грехов? Разве могут они уничтожить тот факт, что я оставил жену менее чем через месяц после рождения Селии? Да ты фантазерка, моя дорогая.

Эдит вспыхнула.

– Но у тебя есть оправдание: если бы Лаура рассказала правду, ты бы не оставил ее и Селию.

Хейден нахмурился. Похоже, сестра собиралась ступить на запрещенную территорию, предлагая возложить вину на Лауру.

– Хейден, ты добрый и заботливый человек, однако всем, кому это известно, не позволено говорить об этом. Если бы ты простил себя, то предстал бы перед окружающими в совершенно ином свете и никогда не стал бы объектом насмешек. Я понимаю, почему ты так груб с мисс Камден. Ты хочешь, чтобы она лишний раз подтвердила общее мнение, что ты зол и безнравственен. Когда же ты сочтешь, что достоин прощения?

В его памяти всплыло залитое слезами лицо Лауры. Нет, он не заслуживает прощения.

– Я должен был понять, что отец сделал с ней, но в тот момент меня ослепило ощущение ее предательства.

– Трудно принять, что отец мог так поступить, а то, что такое можно сделать с невестой сына, и вовсе в голове не укладывается.

В теплых глазах Эдит блеснули слезы.

– Ты сомневаешься в честности Лауры, в том, что она забеременела от отца?

Хейден не мог заставить себя произнести слово «изнасиловал». Он отодвинул тарелку и до боли в суставах сжал ку-

лаки.

– Отец временами бывал очень жесток, особенно в отношении тех, чей социальный статус был ниже. Твое решение жениться на обычной деревенской девушке привело его в ярость. Я, к сожалению, верю в то, что все произошло именно так. Стоит лишь взглянуть на Селию, чтобы заметить явное фамильное сходство. Но ведь ты не оставил бы Лауру, если бы она рассказала тебе...

– Она знала, что я с превеликим удовольствием отправил бы его прямо в ад.

Он разжал пальцы и снова сжал кулаки, словно пытался задушить кого-то. Эдит охнула.

– Ты бы не посмел.

– Похоже, моя жена знала меня лучше, чем ты, и потому молча страдала. А я ушел.

– Потому что решил, что она тебе изменила, но что ты еще мог подумать? Что? Лаура родила ребенка не от тебя, в такой ситуации большинство мужчин отреагировали бы так же. Ты должен простить себя, иначе не обретишь покоя до самой смерти. Тогда, решив наказать себя, ты завел отношения с этой сумасшедшей Адель Фонтейн. – Хейден упрямо вздернул подбородок. – Ох, братец, об этом достаточно легко догадаться по выражению твоего лица. Я видела тебя с ней несколько месяцев назад, вы стояли перед отелем «Кларидж». Полное безумие заводить связь с такой психически нестабильной женщиной. Ты живешь так, словно у те-

бя нет будущего. Если тебе наплевать на себя, подумай о тех, кому ты дорог. Подумай о своих обязательствах перед Селией – я знаю, что после смерти Лауры ты поклялся позаботиться о ребенке.

– Я всегда знал, что ты позаботишься о малышке, если со мной что-нибудь случится. Я правильно полагаю, что ты бы не возражала взять ее к себе навсегда?

– Ты же знаешь, что я бы с радостью взяла Селию, ведь я ее так люблю, но ты ее единственный родитель.

– Родитель? – горько усмехнувшись, переспросил он.

– Хейден, – мягко сказала она, положив свою ладонь поверх его руки. – Ты отец в истинном понимании этого слова. Когда ты рассказал мне о письме Лауры и обо всем, что с ней случилось, я поклялась, что унесу этот секрет с собой в могилу и никогда не расскажу об этом ни ей, ни кому-либо еще.

Он отвернулся, чтобы она не увидела гримасу боли, искажившую его лицо. Эдит была права: он любит Селию как собственного ребенка. Но достаточно ли этого? Пять лет назад, после смерти Лауры, у него была мысль попросить Эдит взять Селию к себе на воспитание. Из Эдит вышла бы прекрасная мать, но, к сожалению, она не могла иметь детей. Однако в тот момент, когда после похорон Лауры он увидел Селию в Уинком-Мэнор, то сразу ощутил связь с этим ребенком. Он помнил, как няня, добродушная немолодая женщина, произнесла:

– Селия, скажи: «Привет, папа».

Женщина осторожно приобняла ребенка за хрупкие плечики и слегка подтолкнула вперед. Селия, которой тогда было всего лишь три годика, отвернулась и ухватилась за юбки няни, словно увидела перед собой какое-то страшилище.

– Все хорошо, мисс Пенвози, – сказал он, усаживаясь в кресло, стоявшее в углу довольно большой комнаты. – Селия давно меня не видела, нам придется знакомиться заново.

В течение трех дней он просиживал в детской все время, пока ребенок не спал. В первый день она играла на полу, изредка поглядывая на него, словно он был какой-то диковиной или чем-то совершенно неуместным, как жук в тарелке с супом. На второй день, когда он сидел в том же кресле, проверяя бухгалтерские книги поместья, Селия тихонько подошла к нему и, нырнув под стол, коснулась манжеты его шерстяной брючины, словно именно грубая ткань заинтересовала ее. Он заглянул под стол и нежно улыбнулся ей, но Селия тут же убежала. На третий день она осмелела, подошла к нему и, словно желая убедиться, что этот человек не является плодом ее фантазии, дотронулась до его руки своими крошечными пальчиками. Он хотел посадить малышку к себе на колени, но сдержал свой порыв, решив, что лишь напугает Селию. Вместо этого Хейден притворился, что ему щекотно, и они наконец улыбнулись друг другу. А тем же вечером после ужина она сама забралась к нему на колени с книгой в руках и робко посмотрела на него. Именно тогда он понял: в его сердце поселилась любовь к этому невинному

ребенку, поэтому он заберет Селию в Лондон и будет заботиться о ней лучшим образом.

– Хейден, – голос Эдит вернул его в действительность, – прошу тебя, в будущем веди себя благоразумнее, если не ради себя, то ради тех, кто тебя любит. – Сестра встала и расправила юбку. – Мне пора идти, Селия ждет меня внизу, я обещала, что она сможет зайти проведать тебя, прежде чем мы отправимся за покупками.

Он кивнул. Улыбнувшись, словно они вели всего лишь ни к чему не обязывающий разговор о погоде, Эдит наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Умоляю тебя прислушаться к моим словам.

Хейден погладил ее по руке. Она права: если он не изменит свой образ жизни, то не выполнит данное у могилы Лавуры обещание позаботиться о Селии и вновь подведет свою жену.

Глава 5

София вышла из дома в холодный ноябрьский воздух. Она спустилась по лестнице черного хода и оказалась на тротуаре перед домом Уэстфилда. Моднo одетый джентльмен стоял под козырьком парадной двери лорда. Глаза у него были почти такими же темными, как у Софии, а несколько угловатое лицо, хотя его и нельзя было назвать по-настоящему красивым, привлекало внимание. Мужчина обернулся и поприветствовал девушку, приподняв шляпу, открыв яркому дневному свету шрам на левой щеке. Парадная дверь отворилась.

– О, лорд Адлер, – приветливо произнес дворецкий, – входите, сэръ.

Адлер? Конечно же, она слышала это имя раньше. Скандалы гнались за этим аристократом, словно гончие псы. Неподалеку раздалось деликатное мужское покашливание. Она обернулась и увидела Томаса, стоявшего возле своего экипажа. София радостно поспешила навстречу своему близкому другу и работодателю.

– Томас, как поживаете?

– У меня все хорошо. А как вы, София?

– Прекрасно.

Она забралась в экипаж, изнутри обитый голубым плюшем. Доктор последовал за своей помощницей, на его лице

застыло выражение явного недоверия. Кучер плавно тронул экипаж, запряженный двумя лошадьми, и, слегка покачиваясь на мягких рессорах, он двинулся по мостовой. Якобы не замечая пытливого взгляда Томаса, София смотрела в окно, но не видела ни роскошных фасадов, ни прогуливающийся люд: перед ее глазами застыл образ Хейдена Уэстфилда, лежащего на шезлонге и прикрытого лишь небольшим куском ткани.

– София?

Она слегка вздрогнула и, обернувшись, увидела, что Томас внимательно смотрит на нее. Он улыбнулся.

– Похоже, дорогая, вы не слышали ни единого моего слова.

– Томас, простите меня, пожалуйста, – ответила София, чувствуя себя глупо из-за того, что распутно грезила о человеке, совершенно ей безразличном.

– О чем задумалась?

Она уставилась на свои руки, сложенные на коленях.

– Я думала о том, доставлены ли припасы для амбулатории.

София почувствовала себя виноватой, она всегда была предельно честна с Томасом, но рассказывать ему о своих постыдных грезах... ни за что. Не расскажет даже своему надежному другу, который знает о ней больше, чем кто-либо в Лондоне. Он знал, что София выросла в Челси, у нее были мама, папа, дедушка и сестра Мария. Но дифтерия выкосила

их семью, пощадив только ее и Марию. Сестер отправили к единственному имеющемуся у них родственнику – дяде отца Чарлзу. Ей было двенадцать, когда они приехали в Нортумберленд, и она все еще помнила слова двоюродного дедушки Чарлза, которые он произнес, увидев девочек.

– Велите их хорошенько отмыть, – сказал он экономке. – Они выглядят как цыганки.

В то время она не понимала, почему их оливковая кожа так раздражает его. Мама была еще темнее, и папа называл ее своей итальянской богиней. Лишь годы спустя она узнала о надеждах дедушки на брак отца, что он женится на приличной английской мисс, может быть, даже на аристократке. И не имело значения, что Алетта была дочерью весьма уважаемого художника Винсента Джанни; мама все равно оставалась безродной иммигранткой, не вхожей в круг английского высшего света. Именно эти несбывшиеся надежды делали деда жестоким в отношении девочек. Ему просто невозможно было угодить.

– Наверное, Уэстфилд был невыносим? – спросил Томас, вновь прерывая ее мысли.

– Невыносим? – переспросила она.

– София, ты понимаешь, что я имею в виду, – проговорил Томас несколько раздраженно. – Он высокомерный человек. Я хочу знать, как ты это переносишь? – Внезапный шум на улице ненадолго отвлек доктора, но спустя минуту Томас вновь обернулся к Софии. – Ты не ответила на мой

вопрос. Уэстфилд обращается с тобой уважительно?

– Томас, уверяю тебя, я могу с ним справиться.

– А ему об этом известно?

Она рассмеялась.

– Рискну сказать, что скоро станет известно.

На красивом лице Томаса вновь появилась улыбка.

– Рад это слышать. – Он расслабленно откинулся на спинку сиденья. Глядя на нее, Томас продолжил: – Однако мне будет намного легче, если ты больше не станешь приходить в его дом.

София удивленно подняла брови.

– Тебе неважно, что он ранен? Он тебе настолько неприятен?

– Я недостаточно хорошо его знаю, чтобы сказать, что Уэстфилд мне неприятен. Но слухи об оргиях, которые он организовывал, и развращенности этого, с позволения сказать, джентльмена... В общем, я сожалею, что леди Прескотт удалось уговорить тебя ухаживать за этим человеком.

– Я считала, что ты не веришь сплетням.

На повороте в Уайтчепел экипаж качнуло.

– Конечно, не верю, но... – Он снял шляпу и несколько нервными движениями начал разглаживать ее поля. – Далеко не всё это сплетни, София. Ты, может быть, не знаешь, но у него есть ребенок, и девочка родилась через семь месяцев после свадьбы. А через несколько недель после ее рождения Уэстфилд уже объявился в Лондоне и вел себя как вольный

самец.

– О, – только и смогла выдать София.

– Надо отдать ему должное, он не отказался от ребенка, но его жена принадлежала к иному социальному слою. И его выставленные напоказ связи я никак не могу извинить. Он оставил бедняжку в деревне, где она умерла почти пять лет назад.

София заметила, как на скулах Томаса заходили желваки; да, доктор по большей части лечит аристократов, но выносить их капризы ему явно не хватает терпения. Женщина заинтересованно подалась вперед.

– И где сейчас этот ребенок?

– Селия живет с Уэстфилдом, но сейчас, чтобы дать ему возможность восстановиться, ее взяла к себе леди Прескотт. Ребенок совершенно прелестный, девочка не по годам развита и умна. – Томас огладил поля шляпы. – Я хочу, чтобы ты была осторожна, поскольку слышал, что граф, когда этого пожелает, может быть весьма обаятельным.

София удивленно вскинула брови.

– Томас, так вот чего ты боишься? Что он попытается меня соблазнить?

Она тихонько рассмеялась. София хотела бы рассказать своему приятелю, что Уэстфилд уже уволил ее, и она осталась в его доме лишь потому, что бросила вызов этому негодю. Но Томас сочтет такое поведение глупостью, как и дедушка Чарлз, который считал глупой затеей ее амбициозное

стремление стать врачом. Выслушивать подобные замечания ей вовсе не хотелось, потому София промолчала. От своего сварливого родственника ей довелось выслушать в свой адрес столько критики, что хватит на всю жизнь.

– Не беспокойся о моем целомудрии, Уэстфилд вовсе не собирается соблазнять меня. Он даже не пытался притвориться обаятельным. Похоже, я ему абсолютно безразлична, как и он мне. Но, может, это и к лучшему.

София взглянула в окошко коляски и заметила, что прохожие на Уайтчепел провожают взглядами их прекрасный экипаж. Лучше уж разглядывать прохожих, чем тратить время на размышления об этом негодном дворянине.

– Бог мой, ты совсем не похож на человека, которому причинное место отшибли, – проворчал Саймон Адлер, входя в гостиную Хейдена.

– Если ты пришел меня оскорблять, черствая сволочь, лучше поворачивай свой волосатый зад и вали отсюда, – парировал Хейден.

Саймон, смеясь, расстегнул черное пальто и уселся в кресло у камина.

– Я только что узрел красотку, выходящую из твоего дома. Ты нанял Селии новую гувернантку?

– Нет. Ты видел женщину с прилизанной прической, холодными глазами и хмурым видом?

Старый приятель Уэстфилда водрузил ноги на оттоманку

и усмехнулся.

– Напротив. Блестящие волосы, прелестные глазки и губы, которые, кажется, просто созданы для поцелуев.

Хейден фыркнул.

– Мою новую сиделку целовать совсем не хочется. Думаю, так можно лишиться языка.

Саймон ухмыльнулся.

– Мегера, да? Что ж, старина, как раз твой тип.

Хейден провел рукой по бедру.

– Я усвоил свой урок.

Саймон посмотрел на него с сочувствием.

– Я предупреждал тебя насчет Адель. Ты собираешься обратиться к властям или хочешь разобраться с этим делом, не поднимая шума?

– Брат Адель Кент отправил ее на континент, надеюсь, в какой-нибудь сумасшедший дом. Я обещал ему, что пока она остается там, я не раскрою ее. Не желаю подыгрывать газетчикам, которые пытаются раздуть эту историю. Надо же подумать о Селии и Эдит.

– Твоя хорошенькая сиделка скоро вернется? Я хотел бы с ней познакомиться.

На губах приятеля заиграла плотоядная ухмылка.

Хейден не мог понять, почему, но мысль о том, что Саймон познакомится с мисс Софией Камден, вызвала у него холодок беспокойства.

– Она уехала в уайтчепельскую миссию, где будет трудить-

ся во имя Господа.

На лице Саймона появилась гримаса разочарования.

– Набожная? Какая трагедия. Как ты думаешь, ее можно соблазнить?

– Сомневаюсь.

– Ага, значит, эта женщина не поддалась твоим чарам.

Хейден раздраженно двинулся на жалобно скрипнувшей кушетке.

– Разве я похож на завязтого соблазнителя?

– Честно? Нет, однако я готов поспорить, что ты это делаешь, поскольку считаешь ее злобной.

– Мне это не интересно.

– Не интересно пари?

– Я пришел к выводу, что терпеть не могу пари. Когда моя злобная сиделка покинет мой дом, я вздохну с облегчением.

Подай мне костыли, пожалуйста.

Саймон встал и подал ему костыли.

– Помощь нужна?

– Нет, я пока останусь здесь.

Хейдену просто надоело лежать в постели.

– Тогда я ухожу. Возможно, навещу тебя через несколько дней, и ты представишь меня своей хорошенькой сиделке.

– Не думаю, что получится, она здесь надолго не задержится.

И вновь странное и необъяснимое недовольство охватило Хейдена.

– Тебе видней. Ладно, выздоравливай и береги себя, старина.

Час спустя после ухода Саймона Хейден, опираясь на костыли, проковылял обратно в спальню. Он неосторожно двинул больной ногой и поморщился от острой боли, пронзившей бедро. Граф уже был почти у кровати, когда в комнату вошел Мэтьюз. Слуга бросился к хозяину.

– Осторожно, милорд, вы можете упасть.

Хейден, прищурившись, посмотрел на перебежчика. Мэтьюз отвел глаза.

– Вы ведь не рассчитывали, что я стану вырывать костыли у мисс Камден? Я не мог бороться с женщиной.

– Она чертова заноза в моем боку, вот что она такое.

Вопросительный взгляд Мэтьюза выдал его замешательство.

– Что-то идет не так, как задумано, милорд?

Уэстфилд утвердительно буркнул и медленно опустился на кровать.

– Мне тоже так показалось, – пробормотал лакей, принимая у хозяина костыли. Хейден осторожно перекинул ноги на кровать и натянул на себя покрывало. – Вам что-нибудь принести?

– Нет.

Он ни за что бы в этом не признался, но он чертовски устал.

Мэтьюз поклонился.

– Тогда я вас оставлю, милорд, похоже, вам необходимо отдохнуть.

– Мисс Камден еще не вернулась?

Он сам не понял, почему задал этот вопрос, ведь надо радоваться, что эта женщина ушла.

– Она не...

Шум в коридоре помешал слуге ответить. Сенбернар размером с маленького пони и весом не менее одиннадцати стонов ворвался в комнату, таща за собой дворецкого.

Хоторн пытался удержать животное, но огромная собака легко преодолевала сопротивление дворецкого. Хейден сразу узнал собаку.

– Проклятье! Что здесь делает *Леди Оливия*?

Измученный Хоторн наконец укоротил поводок и остановился.

– Ее привел парнишка, и, хотя я отказывался принять собаку, он заявил, что выполняет приказ хозяина. Сэр Гарри считает, что пес станет для вас хорошей компанией во время вашего заточения.

– Черт побери, немедленно верните ее сэру Гарри.

– Мальчишка сказал, что джентльмен уехал из города, – ответил Хоторн, отталкивая слюнявую пасть собаки.

Боже, скорее всего, у этого человека кредиторы висят на хвосте. Хейдену было непонятно, почему он приятельствовал с этим плутом. У Гарри было совсем немного качеств,

которые бы располагали к нему, конечно, если не испытывать приязни к игрокам, транжирам и грубиянам, а этот человек обладал всеми этими характеристиками.

Леди Оливия мотнула головой, и большой комок слюны прилип к идеально отглаженным брюкам дворецкого. Хоторн застонал.

– Парень сказал, что животное нужно выгуливать четыре раза в день, иначе она загадит все, что можно. Это не мои слова, милорд, так сказал мальчишка.

Неожиданно собака дернулась вперед, и Хоторн выпустил из рук поводок. Леди Оливия, басовито гавкнув, прыгнула на кровать, восторженно размахивая хвостом. Ткнувшись мокрым носом в лицо Хейдена, она принялась облизывать его, граф в раздражении лишь уворачивался от слюнявой морды.

– Дайте мне пистолет!

Дворецкий побледнел.

– Милорд, вы не можете застрелить ее.

– Я и не собираюсь. Я, черт возьми, собираюсь застрелить вас.

Дворецкий выпрямился в напряжении и вздернул свой длинный тонкий нос.

– Парень сунул мне поводок в руки и ушел. Что мне было делать?

Хейден сердито посмотрел на Хоторна, затем на Леди Оливию. Успокоившаяся собака лежала, положив лобастую голову ему на грудь, и преданно смотрела в глаза Хейде-

на. Проклятье, эта чертова псина всегда демонстрировала к нему поразительную привязанность. Неудивительно, что Селия находит это животное занимательным, но он не представлял, что делать с этим зверем до возвращения девочки.

София вернулась в резиденцию лорда Уэстфилда до трех часов – как раз вовремя, чтобы успеть принести ему поднос с полуденным чаем. Еще в коридоре она услышала, что граф резким тоном кому-то что-то приказывал и при этом ругался как сапожник. Софии хотелось верить, что в спальне графа была не новая горничная. Молодая девушка только что приехала из деревни и, когда нервничала, начинала заикаться. София расправила плечи, собираясь войти в распахнутую дверь, надеясь прервать гневную тираду Уэстфилда.

– Проклятье, неужели ты не можешь лежать спокойно? – возмутился он. – Оливия, убери свою голову из-под моей ночной рубашки и засунь свой чертов язык обратно в пасть.

София замерла в оцепенении, глядя на открытую дверь. Ну не может же Уэстфилд развлекаться с женщиной при незапертой двери. Девушка покачала головой и решительно вошла в комнату, но тут же замерла у порога. Уэстфилд отталкивал от себя некое длинное тело, скрытое его покрывалом.

– Бесстыдная сука. Перестань лизать мне пятки!

София развернулась, намереваясь выйти из комнаты, но Уэстфилд уже заметил ее.

– Не знаю, сколько Гарри за нее заплатил, но он полный болван. Она не умеет выполнять даже простейшие команды, хотя огромна, как корова. – Он отодвинулся от остававшейся под покрывалом фигуры. – Она пробыла здесь всего несколько часов, а я уже устал от нее.

София стояла неподвижно, уткнувшись взглядом в поднос, который держала в руках. Томас был прав, у этого человека нет никаких моральных принципов, он развлекается с какой-то потаскушкой, и это при открытых дверях. Хуже того, его нисколько не смутило даже то, что она их застала. Ее мысли прервал голос Уэстфилда:

– Мисс Камден, поставьте проклятый поднос и передайте Хоторну, чтобы он пришел сюда. Может, ему удастся с ней справиться.

У Софии перехватило горло. Дворецкий? Он хочет, чтобы дворецкий поразвлекся с этой женщиной? Если это какой-то отвратительный трюк, чтобы выиграть пари, ему это почти удалось. Она открыла рот, чтобы высказать ему все, что думает о такой моральной извращенности, но в этот момент Уэстфилд поднял край покрывала и сердито взглянул на свою партнершу.

– Оливия, перестань лапать меня, или я выкину отсюда твой большой волосатый зад.

София услышала достаточно, чтобы оценить глубину его нравственного падения. Эта женщина, неважно, каков ее социальный статус, заслуживает большего уважения, чем про-

явил по отношению к ней Уэстфилд. София, едва не разбив стоящую на подносе посуду, почти швырнула его на комод.

– Вам должно быть стыдно, даже по отношению к своим лошадям джентльмены проявляют больше уважения.

– Хотел бы я, чтобы это была моя лошадь. Почему бы вам не лечь с ней в постель и не посмотреть, каково это будет? А еще лучше, пусть ее приведут в вашу комнату, и вы сможете провести вместе всю ночь.

Единственное, что могло удержать Софию от резкого ответа, – какая-нибудь катастрофа типа землетрясения или наводнения.

– Порочный вы человек! Вы, – она задумалась в поиске слова, которое могло бы передать ее отвращение, – мерзкий язычник, настоящий дикарь!

Она открыла рот, собираясь продолжить свою обвинительную речь, как вдруг широченная морда с высунутым языком высунулась из-под покрывала у изножья кровати. София испуганно вскрикнула и буквально отпрыгнула к двери.

– Боже правый! Что это?

Уэстфилд смотрел на нее как на дурочку.

– Это чертова собака. – Он сдвинул брови. – Боже правый, а вы что подумали?

– Ну... – Ее щеки стали пунцовыми, но суровое выражение исчезло с лица Софии, а на губах заиграла неуверенная улыбка.

Хейден откинулся на подушки и захохотал. Прошло несколько минут, наконец, он вытер влагу в уголках глаз, и его лицо стало серьезным. Сложив руки на широкой груди, он пристально посмотрел на нее.

– Мисс Камден, что вам причудилось? Кого, по вашему мнению, я пустил к себе в постель?

София сглотнула.

– Вы называли ее Оливией и сказали, что Гарри по глупости заплатил за нее слишком много, естественно, я решила...

У нее загорелись кончики ушей, и она сосредоточилась на собаке, которая, казалось, с любопытством смотрела на нее.

– Ну же, продолжайте, – подсказал Уэстфилд.

Она подошла ближе к кровати.

– Думаю, я должна перед вами извиниться, милорд.

Хейден открыл рот, и она уже приготовилась выслушать язвительный упрек, но вместо этого он произнес почти недоверчиво:

– Дверь в мою спальню была широко распахнута. За кого же вы меня принимаете?

Она выдавила слабую улыбку.

– За великодушного человека, сэр.

Граф широко ухмыльнулся.

– За последние несколько лет меня называли по-разному, однако «великодушие» не входило в число моих характеристик.

Он стянул одеяло с собаки.

– Леди Оливия, позвольте вас представить мисс Софии Камден.

Огромная собака, таких София никогда и не видела, перекатилась на спину и раскинула задние лапы. На лице его светлости появилось выражение полнейшего отвращения.

– Реверансы излишни. Мисс Камден, как вы видите, эта дама не сторонница условностей.

– Она ваша?

– Боже правый, нет. Она принадлежит моему приятелю, который отдаст богу душу, как только я до него доберусь. – Собака высунула длинный язык и лизнула его пятки. – Боже, помоги мне. – Уэстфилд подтянул ноги. – Пожалуйста, позовите Хоторна, пусть он заберет эту псину. Хорошо, что он по доброте своей согласился выгуливать ее шесть раз в день, хотя поначалу считал, что достаточно и четырех.

Глава 6

На следующий день, когда каминные часы в спальне Хейдена пробили три раза, он уже знал, что ровно через пятнадцать минут мисс Камден войдет в комнату с полуденным чаем. Эта женщина была точна и организованна, как офицер военно-морского флота. Раздался негромкий стук в дверь, та медленно отворилась, и Мэтьюз, словно вор в ночи, стараясь не производить ни малейшего шума, прокрался в комнату. Хейден увидел в руках лакея костыли и усмехнулся.

– Где ты их нашел?

– Она спрятала их за шкафом в прачечной.

Хитрая bestия. Прошлой ночью он прислонил костыли к прикроватному столику, а утром их там уже не было. На его вопрос, куда делись его вторые ноги, София лишь улыбнулась своими полными, чувственными губами. Хейден свесил ноги с кровати и одернул ночную рубашку. Это одеяние было чертовски неудобным.

– Где она?

Мэтьюз на цыпочках подошел к кровати, словно опасаясь, что София Камден ворвется в комнату, вырвет деревянные подпорки из его рук и обрушит на голову слуги.

– Она на кухне о чем-то беседует с горничной. Наверное, скоро появится.

С губ Хейдена сорвался смешок. Прекрасно. Ему не тер-

пелось увидеть выражение хорошенького личика сиделки, когда она обнаружит, что он вновь на ногах. Балансируя на здоровой ноге, он засунул костыли под мышки и поковылял в свою приватную гостиную. Он уже дошел до дверей, когда услышал позади себя оханье. Проклятье, ему хотелось увидеть выражение ее лица, но разворачиваться на этих чертовых костылях было по меньшей мере опасно. И он продолжил свой путь.

– Милорд!

В ее резком тоне нельзя было не услышать неудовольствия. Мэтьюз, этот трус, пискнул и бросился вон из комнаты. Дойдя до стола из красного дерева, Хейден опустился на стоящий за ним стул с высокой спинкой. Он пытался сохранить на лице выражение невозмутимости, но это было достаточно трудно из-за постоянно пульсирующей боли, возникшей в ноге. Подбоченившись, мисс Камден направилась к своему подопечному. Ее медового цвета щеки окрасились розовым. Надо было признать, что в своем негодовании она выглядела прелестно.

– Вы хоть понимаете, какой вред можете себе причинить?

На скулах Хейдена заходили желваки. Черт побери, эта девчонка выглядела бы еще более привлекательной, если бы предстала перед ним с кляпом во рту. Он выдвинул верхний ящик стола и достал деловые письма, которые требовали скорейшего ответа.

– Мадам, я не собираюсь весь день лежать в постели.

– Вы невероятный упрямец!

– Значит, мы друг друга стоим, не так ли, моя дорогая?
Уголки ее губ слегка приподнялись.

– Если вы настаиваете на своем безрассудстве, нужно хотя бы приподнять ногу.

София подхватила стоявший в углу пуфик и поставила рядом со стулом.

– Пожалуйста, положите сюда ногу.

Боль в бедре была такой сильной, что он не мог пошевелиться. Словно почувствовав это, девушка опустилась на колени, осторожно приподняла его ногу и водрузила на мягкое сиденье. Почти тотчас пульсация прекратилась, и он ощущал лишь приятное тепло ее пальцев на своей икроножной мышце. Склоненная голова Софии оказалась под его подбородком, и он почуял аромат лимона и лаванды. Слегка подавшись вперед, Хейден вдохнул соблазнительный запах, и именно в этот момент она подняла голову и их взгляды встретились. Лишь несколько дюймов разделяли их губы. Ее миндалевидные глаза широко распахнулись, и стало видно, что радужка лишь ненамного светлее зрачка – насыщенного цвета теплого шоколада. Внезапно Хейден почувствовал, что ему хочется провести пальцами по этой шелковой нежной коже. Словно сбрасывая наваждение, граф мотнул головой и откинулся на спинку стула. Дьявольщина, эта женщина его противник, и он обязан выиграть это чертово пари. Он хочет, чтобы она ушла. Действительно хочет? София встала,

в некотором замешательстве тербя свой белый накрахмаленный фартучек. Уэстфилд тоже испытывал подобное чувство.

– Я принесла ваш полуденный чай, но поднос остался в спальне. Сейчас я подам чай сюда.

Она повернулась и направилась в спальню, а Хейден едва не свалился со стула, следя за покачиванием ее бедер. Лишь в последний момент ему удалось ухватиться за край стола.

– Проклятье! Держи себя в руках, старина!

Мисс Камден вновь вошла в гостиную.

– Вы меня о чем-то спросили?

– Нет, – проворчал он.

– Налить вам чаю?

Она поставила серебряный чайный сервиз на стол.

Он утвердительно кивнул, следя за уверенными движениями ее изящных рук. Длинным тонким пальцам могла бы позавидовать любая аристократка, и Хейден тут же представил, как они скользят по его животу к...

– Осторожно, милорд, чай очень горячий, – предупредила София, отвлекая его от озорных грез и ставя чашку и молочник на книгу записей. Чуть наклонив голову, она кончиком языка облизнула губы. Эта невинная привычка заставляла реагировать расположившийся ниже пояса глупый придаток Хейдена. К счастью, она смотрела не на него, внимание молодой женщины привлекло кое-что на столе. Она склонилась над столешницей.

– Мне знакома эта эмблема.

Он положил руку на лист бумаги, украшенный изображением Херефордского быка и подписью под ним: Дж. Х. Мейсон.

– Не возражаете?

– Прошу прощения, милорд. Просто в миссии в Уайтчепел я вижу большое количество ящиков и бочек, отмеченных этим символом. Вы ведете дела с этим оптовиком-бакалейщиком?

– Какое это имеет отношение к вам?

Она поджала губы.

– Конечно, никакого. Однако мистер Мейсон – наш благодетель, он жертвует большое количество продуктов. И миссис Гэмблин, экономка миссии, говорит, что все, что он присылает, превосходного качества, а не протухшие продукты, как большинство пожертвований, которые получает миссия.

Он собрал письма и сложил их.

– Мисс Камден, Мейсон далеко не святой. Он закупает товары оптом, что позволяет ему поставлять их по лучшей цене. Более того, когда он открывает новый продуктовый магазин, он немедленно подрезает своих конкурентов, сбивая цены. Поверьте мне, люди, подобные Мейсону, не достигают успеха, какого достиг он, если не идут по головам других людей, так что, если у него и есть сердце, то оно черного цвета.

София прищурилась.

– Прошу заметить, сэр, что человек, который проявляет великодушие по отношению к бедным и одиноким, не может не иметь достоинств.

– Если бы вы познакомились с ним, вы бы изменили свое мнение. А сейчас, прошу меня извинить, я должен заняться делами.

Он взял чистый листок бумаги, собираясь писать письмо своему банкиру.

– Я могу перед уходом еще что-нибудь для вас сделать?

– Вы собираетесь уйти? – Он удивленно взглянул на нее. – Куда? Надеюсь, не в эту чертову клоаку.

У него внутри все сжалось.

– Вы имеете в виду Уайтчепел?

– Да.

Она улыбнулась, и на щеках появились две обворожительные ямочки.

– Нет, я лишь собиралась выпить чашку чая на кухне.

– Хорошо, вы можете быть свободны.

Сказав это, Хейден вдруг понял, что будет с нетерпением ждать ее возвращения. София пробуждала в нем странное двойственное чувство. Порой ему хотелось свернуть ее изящную шейку, а временами, когда ее не было рядом, он испытывал чувство одиночества, которое никак не мог объяснить.

София прошла из гостиной в спальню лорда Уэстфилда. Ее черный медицинский саквояж стоял на низеньком столи-

ке красного дерева, и она раскрыла его. Алиса, та самая словоохотливая горничная, страдала от ужасной зубной боли. «Ага, вот он». София достала из саквояжа бутылочку с зубным эликсиром от доктора Янга. Она не была сторонницей этой настойки, но надо дать горничной несколько капель, чтобы уменьшить боль. Спустившись по черной лестнице на кухню, она застала Алису сидящей за длинным столом. Рыжеволосая девушка была бледна, как привидение, и все время держалась за щеку.

– Тебе нужно посетить дантиста, – сказала София. – Ну а пока я дам тебе ложку лекарства, и тебе станет полегче.

– Спасибо, мисс.

– Алиса, будет только хуже, если ты ничего не предпримешь. У тебя разовьется нагноение. На Странде есть дантист, доктор Вебер, он хороший врач и очень добрый человек.

Молодая женщина проглотила лекарство и встала.

– Миссис Бичем уже пообещала отпустить меня к врачу после обеда. Еще раз спасибо, мисс.

Все еще держась за щеку, Алиса вышла из комнаты. София налила себе чашку чая из фарфорового чайника, стоявшего на буфете. Сидя в пустой кухне, она видела, как в смежной комнате повар и его помощница мыли корнеплоды в огромной медной раковине. Крепыш француз что-то говорил молодой девушке, отчаянно жестикулируя свободной рукой. Сегодня утром вместо каши месье Лоран приготовил

для прислуги теплые булочки с корицей и яйцами. Он был несколько раздражен из-за того, что такой завтрак прибавил ему работы, но все же время от времени он улыбался, замечая, как слуги охают и ахают от удовольствия. Очевидно, что такая смена обычного рациона была сделана по приказу Уэстфилда. Все-таки его светлость представлял собой определенную загадку.

Покончив с чаем, София поднялась наверх, в свою спальню: ее разместили в чудесной комнате с обоями цвета сливок, большой кроватью с шикарным балдахином и зеленым бархатным покрывалом. Кроме того, в комнате стоял огромный гардероб красного дерева. Такая комната не предназначалась для прислуги, просто она располагалась поблизости от покоев его светлости – через коридор. София присела на краешек кровати и коснулась щеки в том месте, где ощутила дыхание лорда Уэстфилда, когда его губы находились в нескольких дюймах от ее губ. Она вспомнила пристальный взгляд его голубых глаз, в тот момент ей на мгновение показалось, что он собирается поцеловать ее. Сердце у нее в груди забилось чаще. Может быть, такая тактика является частью плана, который сможет вывести ее из себя? Негодяй.

В этот момент откуда-то из-под кровати раздался шорох, который отвлек ее от бесплодных размышлений. Вздвогнув, София встала и на цыпочках отбежала в дальний угол комнаты. Под кроватью кто-то есть! Господи, сделай так, чтобы это была не крыса. Эти твари приводили ее в непреодолимый

ужас. Она была вынуждена терпеть их, когда впервые вернулась в Лондон, поскольку грызуны весьма вольготно чувствовали себя в обиталище ее сестры Марии. Они сновали по темным, укромным уголкам убогой комнаты, их писк, особенно по ночам, раздавался даже из стен. При воспоминании об этом во рту у нее пересохло.

София напомнила себе, что она сильнее и больше любого грызуна и что в таком густонаселенном городе, как Лондон, где угодно можно увидеть крыс. Однако ее ладони вспотели, а сердце хотело вырваться из груди. Громкий шорох раздался снова. София, подхватив юбки, метнулась к маленькому позолоченному стульчику и запрыгнула на него в манере, совсем не подобающей леди. Изящный стульчик заскрипел, и на какое-то ужасное мгновение она испугалась, что он развалится и бесцеремонно отправит ее обратно на пол. В тишине комнаты вновь раздался звуки, но теперь это было не царапанье грызуна, а скорее хихиканье ребенка. Приподняв юбки, София осторожно сошла со своего постамента, подошла к кровати и подняла край покрывала. Маленькая девочка в белой шелковой полумаске, украшенной голубыми перьями, высунула голову из-под кровати, как черепашонок, выглядывающий из своего панциря.

– Почему вы запрыгнули на стул? – спросила девочка.

Взгляд Софии потеплел. Малышка явно считает ее ненормальной.

– Привет, – сказала София, игнорируя ее вопрос. Девоч-

ка, которой было лет семь или восемь, выползла из своего затемненного убежища.

– Вы не горничная. Горничные спят на четвертом этаже, и ваше платье цвета морской волны, это не уродливый серый, как у них.

– Спасибо. – София не обиделась. Она давно усвоила, что устами детей глаголет истина. Она вытерла влажные ладони о крахмаленный фартук.

Девочка осмотрела свою собственную одежду, затем отряхнула юбку желтого платья и белые чулки, разметав небольшое облачко пыли. София, улыбнувшись, сняла большой комок пыли с длинных каштановых волос девочки и вынула сломавшееся перо из ее маски.

– Симпатичная у тебя маска. Не собираешься ли ты на бал сегодня вечером?

– Господи, нет! Я нашла эту маску, когда рылась в старых сундуках на чердаке. Я думала, что она принадлежала моей маме, но миссис Бичем говорит, что это бабушкина маска. – Это, очевидно, была дочь Уэстфилда. – Как вас зовут? – Не дождавшись ответа, девочка продолжила: – Я Селия.

– Приятно познакомиться, Селия, меня зовут София, я сиделка твоего папы.

– Я так и подумала. Предыдущей сиделкой был мужчина. Он тоже жил в этой комнате. Я бы не хотела быть сиделкой. – Селия провела маленькой ручкой по одному из перьев и закусила губу. – Я не люблю кровь, потому что, когда в моего

папу выстрелили, из его ноги вытекло очень много крови.

Кто присматривает за этим ребенком? Почему ей позволили увидеть такую ужасную картину?

– Где твоя гувернантка, Селия?

– Папа ее уволил на прошлой неделе. Назвал ее глупой старой курицей.

Неудивительно, что леди Прескотт предложила такое щедрое жалованье; Уэстфилд, похоже, расстается с прислугой, как большинство людей с углем в холодном январе.

– Он ее как-то еще назвал. Я не знаю, что это означает, а когда я спросила тетю Эдит, та чуть в обморок не упала. Потом она взяла Библию и весь день молилась. Тетя Эдит говорит, что нехорошо подслушивать. Вы знаете мою тетю Эдит?

– Знаю, – ответила София, удивляясь, как у набожной леди Прескотт брат может быть таким шельмецом и как у него может быть такая прелестная дочь.

– Они с папой будут выбирать новую гувернантку, как только он поправится. Я сейчас живу у тети Эдит и дяди Генри. Но папа прислал записку, он написал, что хочет, чтобы я вернулась домой. Тетя Эдит считает, что это неразумно. Она с ним сейчас разговаривает. – Селия нахмурилась.

– А ты хочешь вернуться?

– Да, я по нему всегда скучаю. – Девочка вновь закусила губку. – Я знаю, что не должна находиться у вас в комнате, но когда я пошла в свою спальню навестить Альберта, его

там не было, поэтому я обыскиваю дом.

– Альберт? Это твоя кошка?

– Нет, это ручная белая мышка.

Мышка? София сжала кулаки в карманах юбки. Она очень не любила мышей, хотя у них обычно хватало соображения удрать прочь.

– Думаешь, он может быть здесь?

Ребенок пожал узенькими плечиками.

– Он может быть где угодно.

– Действительно.

София осмотрела пол. У девочки загорелись глаза.

– Вы можете мне найти его?

София с трудом удержалась, чтобы не содрогнуться.

– Нет, моя дорогая. Мне скоро нужно будет проведать твоего папу.

Селия поникла.

– Папе не нравится, что Альберт бегает по всему дому, где ему вздумается. – Она вздохнула. – Мне подарила его двоюродная бабушка Гортензия. Папа был недоволен. Он сказал, что Альберт деревенская мышь и ему будет лучше жить с бабушкой Гортензией в Кенте.

Эта деталь поразила Софию. Ей трудно было представить, что Уэстфилд способен мягко уговаривать свою дочку вернуть мышь. Она думала, что он скорей велит горничной или лакею просто прибить этого грызуна щеткой, когда ребенок этого не видит. Селия сняла маску, и София увидела сход-

ство между Уэстфилдом и его дочерью. Только глаза Селии были карими, а не пронзительно синего цвета, как у отца.

– Я могу вместо мышки завести ручную крысу, – сказала Селия, направляясь к двери. – Им нравится в городе.

У Софии подогнулись ноги.

– Ручную крысу?

– Да, такая есть у леди Марли. Она держит ее в позолоченной клетке.

У Софии перехватило дыхание.

– Крысу? – переспросила она, невольно выдавая свое отращение, которое пыталась скрыть, и всем своим видом выказывая полное неверие в возможность такой привязанности.

– Да! Я слышала, что у королевы тоже есть. – Голос ребенка звучал возбужденно.

– Я предпочитаю кошек.

София открыла дверь. Она не стала уточнять, что у нее их несколько для контроля за грызунами. Ребенок сочтет ее бессердечной.

Они вышли в коридор, и Селия посмотрела на закрытую дверь в спальню отца. Из комнаты доносился голос леди Прескотт.

– Я люблю кошек, но если заводите кошку, то сначала надо отвезти Альберта к бабушке Гортензии.

Селия побежала по коридору, но скоро остановилась, чтобы заглянуть под стоявший в холле стол. Изображая стро-

гость, девочка проговорила:

– Альберт, маленький непоседа, папе не понравится, если он узнает, что ты бродишь по всему дому. – Малышка обернулась к Софии. – Я принесу Альберта, когда найду. Он любит, когда его гладят по хвостику.

У Софии вновь вспотели ладони. Она кивнула, но, как только Селия отвернулась, непроизвольно содрогнулась.

Час спустя, когда София зашла проведать лорда Уэстфилда, она обнаружила, что он сидит на диване в приватной гостиной и читает Селии «Красавицу и чудовище». Его светлость был одет в бархатный халат сапфирового цвета с шелковыми отворотами поверх ночной рубашки. Ребенок удобно примостился на сгибе локтя у отца, а ноги в чулках лежали на спине Леди Оливии, словно на оттоманке. София смотрела на них, стоя в дверном проеме. От этой сцены веяло умиротворением и безмятежностью. Какой резкий контраст с образом Уэстфилда, который сформировался у нее после разговора с Томасом в экипаже.

– София! – позвала Селия. – Вы знакомы с Леди Оливией?

Собака подняла голову и возбужденно застучала хвостом по оттоманке, на которой покоилась раненая нога Уэстфилда. Их светлость опустил книгу и, прищурившись, посмотрел на животное.

– Знакома.

София старалась не рассмеяться, глядя на сердитое лицо Уэстфилда. Селия погладила собаку по спине своей малень-

кой ножкой.

– Ну разве она не милашка.

Уэстфилд помрачнел еще больше.

– Да, – ответила София, не в силах укротить улыбку, растягивавшую уголки ее рта.

– Я сегодня остаюсь дома, – восторженно объявила Селия. – И Леди Оливия будет спать в моей комнате. – Она повернулась к отцу. – Правда, папа?

– Только если тебе захочется, иначе она будет согревать постель Хоторна.

Селия хихикнула.

– Ох, папа, ты опять дурачишься!

София удивленно моргнула. Неужели Уэстфилд позволяет Селии такие вольности?

– Вы что-то хотели, мисс Камден? – спросил граф.

– Только узнать, как вы себя чувствуете.

Он посмотрел на дочь и улыбнулся.

– Вполне прилично.

– Тогда не буду вам мешать, наслаждайтесь историей, – ответила она.

Уэстфилд продолжил чтение, но вдруг остановился и посмотрел на Софию.

– Вы любите книги, мисс Камден?

– Очень люблю.

Он кивком указал на ряд шкафов из красного дерева, которые поднимались от пола до потолка. Они были заполнены

романами, и еще две большие полки, ростом с Селию, стояли на полу. Очевидно, граф был заядлым книголюбом.

– Не стесняйтесь, и если вам будет угодно, берите любые книги отсюда или из нижней библиотеки. – Не дожидаясь ответа, он вновь обнял ребенка и вернулся к чтению.

– Спасибо.

София подошла к книжным шкафам. Она внимательно осмотрела кожаные переплеты, и ее взгляд остановился на знакомой коричневой обложке с позолоченным тиснением: «Робинзон Крузо». Она моргнула, чтобы стряхнуть выступившие слезинки, и сняла книгу с полки. Дедушка любил читать эту историю ей и ее сестре Марии. На короткое мгновение она прижала роман к своей груди. Ощувив на себе жар взгляда Уэстфилда, София обернулась. Граф внимательно смотрел на нее, слегка прикрывшись книгой, которую держал в руках. Ее сердце затрепетало. Может, таким образом он пытается определить ее слабое место?

– Я с удовольствием возьму эту книгу. – София направилась к двери.

– София, останьтесь, пожалуйста, – окликнула ее Селия.

– Да, София, – голос Уэстфилда был гладким как шелк. – Присоединяйтесь к нам.

От бархатистого тона голоса его светлости у нее по спине побежали мурашки. Она встретила с взглядом его синих глаз и с немалым удивлением узнала, как тепло может улыбаться этот человек. Действительно, это был настоящий

соблазнитель – человек, который мог заставить даму даже из высшего общества потерять голову. По венам разлилось странное тепло. Она молилась, чтобы не покраснеть, как юная школьница. Ей следовало отговориться от этого предложения. Но отчего-то с языка слетели совсем другие слова.

– Спасибо, София, – сказала Селия. – Садитесь рядом с папой на диван.

Рядом с его светлостью? Боже, нет. Уэстфилд перевел взгляд на дочь. Он казался таким же пораженным ее предложением, как и София.

– Селия, у твоего папы болит нога, поэтому я лучше сяду здесь.

София подошла к креслу, обитому бархатом цвета морской волны, стоявшему напротив дивана. Она села и открыла томик «Робинзона Крузо» в массивном переплете. Кожаный переплет скрипнул, и комната наполнилась запахом легкой затхлости, присущей почти всем старым книгам.

В открытую дверь гостиной тихонько постучали. На пороге стояла седая экономка.

– Прошу прощения, милорд, – сказала миссис Бичем. – Пришел мистер Тальбот и ждет леди Селию на урок фортепьяно.

– Ох, папа, разве у меня сегодня урок? Мистер Тальбот воняет, как грязные носки.

Уэстфилд рассмеялся.

– В самом деле?

Селия кивнула.

– Хорошо, если бы от него пахло, как от Софии. София так приятно пахнет, правда?

Его светлость посмотрел на Софию, в глазах заиграли искорки.

– Действительно очень приятно.

Сердце Софии затрепетало. Как глупо позволять с такой легкостью принимать лесть этого негодяя.

Уэстфилд поцеловал дочку в лоб.

– Извини, дорогая. Сегодня тебе придется мириться с запахом мистера Тальбота, столь далеким от садового аромата.

Селия наморщила носик, но все же нехотя соскользнула с дивана. Она погладила Леди Оливию по голове.

– Хочешь пойти со мной? – спросила она. Сенбернар потрусил к двери, с радостным возбуждением виляя хвостом.

Селия заулыбалась.

– Все-таки какая она умница!

Улыбка на лице Уэстфилда погасла. Очевидно, он понял, что чем дальше собака будет у них, тем сильнее к ней привяжется девочка.

– Я вернусь после ужина, папа. – Селия стрелой помчалась из комнаты.

София закрыла книгу и поднялась из кресла.

– Вы можете не торопиться. – На лице графа вспыхнула мальчишеская улыбка.

«Каким невинным он выглядит. Впрочем, медведи тоже

выглядят очаровательными – если не думать об их когтях. Что еще у него припрятано в рукаве? Может, он намеревается задать еще парочку неприличных вопросов об анатомии человека?» Она подняла подбородок и опустилась обратно на мягкую подушку.

– Вы хотите меня о чем-то спросить?

– Да.

Она насторожилась, готовясь к его новому коварному выпаду.

– Хотелось бы знать, почему из всех моих книг вы выбрали именно «Робинзона Крузо»?

Вопрос застал ее врасплох. Она этого никак не ожидала.

– Это та книга, которую любил читать мой дедушка.

– Теперь понятно, почему на лице у вас появилось такое выражение, когда вы увидели ее. Можете оставить себе.

– Оставить? Спасибо, но я не могу.

– У меня есть еще один экземпляр в библиотеке внизу.

Словно считая вопрос решенным, он взял лежащий рядом с ним томик в сафьяновом переплете и раскрыл его.

– Вы слишком добры.

Он кивнул в ответ, но не поднял головы. Они читали, и в комнате воцарилась спокойная дружелюбная тишина. Комфортное недолгое перемирие.

История потерпевшего кораблекрушение Крузо пробудила у Софии отзвуки прошлого. Дедушка низким баритоном читает английские слова с сильным акцентом, и Мария по-

правляет его, когда он изредка сбивается на итальянский. От воспоминаний у нее перехватило горло. Она перевела взгляд на картину деда, висящую на стене. Как удивительно, что эта картина оказалась здесь, в доме лорда Уэстфилда. Хотя она и не была такой большой, как «Река Темза», но являлась одной из его лучших работ. Он писал ее стоя на набережной Челси.

– Вам нравится? – спросил Уэстфилд, глядя на картину.

– Да, она чудесная.

– Это Джанни. Очень немногие его работы выставляются на продажу. Я нашел эту в одном магазинчике на Стрэнде. Вы знакомы с его работами?

– Очень хорошо знакома. Я видела несколько его картин в Национальной галерее.

София сама подарила коллекцию этому музею.

– Значит, когда вы не ухаживаете за больными и обездоленными, то посещаете музеи?

– Иногда.

– Как еще вы отдыхаете, София? Играете в вист? В триктрак? – Он улыбнулся. – Посещаете адское казино Винтона или танцуете на сцене мюзик-холла Морли?

Она поддержала его ироничный тон.

– Последнее, но только по понедельникам.

Он фыркнул, и она тоже зашлась смешком.

– Осторожно, София, ваше остроумие... небольшой перебор.

Он медленно поднял ноги на диван и вытянул их. Закрыв глаза, граф положил на раненую ногу свою сильную ладонь. Взгляд Софии прошелся по его оголенным ногам, по халату и широким плечам, затем остановился на его губах. В животе затрепетали бабочки. Усилием воли она перевела взгляд на книгу и заставила себя читать. Лежа с закрытыми глазами, Хейден слушал, как София тихо шелестит страницами. Время от времени она издавала легкий вздох, который звучал на удивление музыкально. Но, к его большому сожалению, она затихла. Безусловно, то, что он заинтересовался этой женщиной, можно объяснить только нескончаемой скукой. Хотя он действительно получал удовольствие от их перепалок и от того, как сверкали ее прелестные темные глаза, когда она возбуждалась, и от того, как легко краснели ее щеки. Он давно уже не общался с женщинами, которые умели так прелестно краснеть. Почему она затихла?

Он опустил руку и посмотрел на кресло, в котором она сидела. Теперь София уже не была одета в свое строгое одеяние цвета морской волны и накрахмаленный передник. На ней было плотно облегающее, как вторая кожа, ярко-зеленое платье. Низкое декольте открывало грудь, настолько сильно стянутую корсетом, что она грозила вывалиться из лифа. Взгляд переместился на распущенные волосы, которые больше не закрывал уродливый накрахмаленный чепец. Темные блестящие пряди ниспадали на плечи, притягивая к себе свет, струившийся через окно гостиной. София выглядела

так, что захватывало дух. Она даже стояла и двигалась так, словно ее ноги плыли по воздуху. Уголки ее губ приподнялись, когда она бросала взгляд на лорда из-под завесы полуопущенных ресниц. Не говоря ни слова, она поднесла руку к обшитым шелком пуговицам лифа и начала расстегивать их. Горло Хейдена пересохло. Когда же он в последний раз испытывал такое сильное предвкушение и желание при виде обнаженного женского тела? Лиф ее платья раскрылся, и стал заметен теплый оттенок ее кожи и черные тонкие прутья ее корсета. На ней не было рубашки, и похожая на газовую ткань практически не скрывала рыжевато-коричневые ореолы ее сосков. В северном районе Парижа он видел танцовщиц в таких эротических одеяниях. Маленькая кокетка подалась вперед и легко провела пальцами по своей округлой груди. Быстрый прилив крови напряг его и так уже возбужденный орган. В этот момент София встала и, выпрямившись, легким движением изящного тела стряхнула переливающуюся ткань платья под ноги. Теперь она стояла перед ним в одном лишь тончайшем корсете и черных чулках с подвязками, которые обтягивали ее великолепные длинные стройные ноги. Его отяжелевшее достоинство болезненно сжалось от возбуждения. София плавно двинулась к дивану, через пару секунд она подошла так близко, что он почувствовал запах лаванды и лимона, исходящий от ее теплого шелкового тела и волос.

– Милорд, – сказала она нежным мечтательным голосом. –

Милорд, пора вставать.

Хейден обхватил Софию за тонкую талию и, притянув, опрокинул женщину на себя.

Глава 7

Раздражающий, неприятный вопль пронзил уши Хейдена. Он открыл глаза. София извивалась, лежа на нем, ее лицо пылало, выражая одновременно и крайнее замешательство, и искренний гнев. Он окинул взглядом ее фигуру, куда же делись эти едва не выскакивающие из лифа груди, невероятно длинные ноги и эротический наряд? И почему эта ужасная шляпка так криво примостилась на левой стороне ее лица? Господь всемогущий! Неужели все это ему приснилось, и именно во сне он опрокинул Софию на себя? Очевидно, так. Что же теперь делать? Сказать, что был охвачен страстной фантазией, в которой она предстала перед ним желанной кокеткой, а затем принести глубочайшие извинения? Наверное, так и следует поступить. В этот момент Хейден был противен самому себе. Он никогда никем не овладевал силой, тем более когда речь шла о его наемных работницах. Уэстфилд не нашел ничего лучше, чем спросить:

– София, могу я поинтересоваться, почему вы лежите на мне?

Женщина даже открыла рот от удивления.

– Милорд, – произнесла она на удивление спокойным тоном. – Может, лучше следует задаться вопросом, почему ваша рука самым собственническим образом водрузилась на моем заду?

Он посмотрел на свою левую руку – и в самом деле его пальцы буквально впились в ягодицу Софии. «Ну так прекрати тарашиться и убери руку. Сейчас же!» Он почти отдернул руку с ее округлой попки. С совершенно искренним возмущением граф ответил:

– Бог мой, откуда же мне знать? Я мирно спал, а когда проснулся, то обнаружил, что вы пристаёте ко мне.

– При-пристаю к вам? – прошипела она. – Сэр, вы хотите сказать, что я улеглась на вас, а потом самым бесстыдным образом положила на себя ваши руки?

– Вы так сделали?

– Вы же знаете, что нет.

София продолжала извиваться всем телом, словно что-то создавало ей колоссальное неудобство, в этот момент выражение настоящего ужаса промелькнуло на ее лице. Тысяча чертей! Естество мужчины оставалось в возбуждении. Что же это такое? София побелела, почти судорожным движением оттолкнула от себя Хейдена и вскочила, словно по ее обнаженному телу прошлись пучком обжигающей крапивы. Она расправила платье, поправила чепец, затем сдула темный завиток со щеки.

– Полагаю, что вам приснился сон, и я могу лишь предположить, о чем или о ком были ваши грезы.

В ее голосе вновь зазвучала привычная строгость и спокойствие.

– Не воображайте, что они были о вас.

– Я и не допускаю этого. Мое воображение рисует полногрудую уличную девку, у которой ветер в голове гуляет. Другими словами, пустое ничтожество, у которой разума не больше, чем у муравья!

Он поднял бровь.

– Она кажется более привлекательной, чем дерзкая жеманница, которую любой разумный мужчина будет избегать как бубонной чумы.

– Вы отвратительный человек!

София расправила плечи, развернулась и быстро направилась к двери, бормоча себе под нос, что она лишилась разума, если собирается терпеть его еще хоть минуту. Неужели она уходит? У Хейдена участился пульс.

– Вы увольняетесь, София? Я всегда знал, что никакая юбка вроде вас никогда меня не переиграет.

Она замерла как вкопанная и несколько секунд стояла, не оборачиваясь. Затем, не сказав ни слова, она вышла из комнаты. София понимала, что ей нужно немедленно собрать вещи и бежать из этого дома, остановить наемный экипаж и умчаться на нем, не оглядываясь. Однако вместо этого она прошла в кухню, где попросила у повара-француза поднос с ужином для Уэстфилда. Какое-то мгновение она смотрела на свежеприготовленный кофе в кофейнике и думала, не добавить ли туда корень ревеня. Хорошее слабительное, которое доставит Уэстфилду дискомфорт на целый день, чего он определенно заслуживает. Но тут же ей стало стыдно –

сиделки не добавляют слабительные средства в кофе пациентам, неважно, насколько те их вывели из себя. Она тяжело вздохнула.

– Их светлость в ужасном настроении? – спросил месье Лоран.

– Ваш вопрос, месье, подразумевает, что у их светлости бывает другое настроение.

Повар хохотнул и вновь занялся подготовкой подноса. София тайком провела рукой по своей ягодице. Она все еще ощущала, где крупная ладонь прожигала ей кожу, словно отлитая из железа и горячая, как клеймо палача. Кроме того, она точно помнила, как прижималось к ее телу затвердевшее естество Уэстфилда. Этот мужчина воспламенил каждый нерв и каждую клеточку ее тела. Потребовалось всю волю собрать в кулак, чтобы сделать вид, что ее это не задевает. Слава богу, он, кажется, поверил, что для нее это ощущение было отвратительным. Было бы хуже, если бы он понял правду, которая заключалась в том, что ей хотелось, чтобы Хейден поцеловал ее, а руки жаждали прикоснуться к нему. Но только до того момента, когда она почувствовала его возбуждение. Тогда она испугалась влажности, возникающей под ее юбками. Действительно жеманница! Должно быть, она сама вконец испорчена. Уэстфилд не кто иной, как бесстыдный повеса с порочным умом, грязным ртом и чересчур крупным мужским органом между ног. Вероятно, ему приснился сон о какой-нибудь молодой наивной девице, или он мечтал о том,

как выиграть это проклятое пари. Надо в конце концов понять, что она ему совершенно безразлична. Нужно быть полной дуручкой, чтобы хотеть его. Щеки Софии загорелись, когда она заметила, что месье Лоран пристально смотрит на нее и на его лице расплывается улыбка, словно он читает ее мысли.

Полчаса спустя настроение Хейдена улучшилось, когда он услышал чьи-то шаги в соседней комнате. Неужели София вернулась? Он вытянул шею, пытаясь хоть мельком увидеть ее со своего места на диване. Проклятье! Ни черта не видно. Он схватил костыли и поковылял в спальню. Сердце неприятно стукнуло, когда из гардеробной вышел Мэтьюз.

– Добрый вечер, милорд. Вам что-нибудь нужно?

– Да, я хочу одеться. Я намерен выйти.

Если София уже ушла, он найдет ее и попросит прощения. Лакей открыл рот от изумления.

– Мисс Камден будет недовольна.

– Она здесь?

– Разумеется. Она на кухне.

– Слава богу, – облегченно пробормотал Хейден.

– Что такое, милорд?

– Ничего. Я...

София вошла в комнату, держа в руках поднос с ужином. Игнорируя Хейдена, она улыбнулась лакею и вручила ему серебряный поднос.

– Мистер Мэтьюз, передайте это его светлости.

– Да, мисс.

– Спасибо.

Не глядя на Хейдена, она неторопливо вышла из комнаты. У него разыгралось воображение или температура в комнате упала до арктической?

Мэтьюз издал смешок.

– Что тебе кажется смешным? – сдерживая гнев, прошипел Уэстфилд.

– Не знаю, какую игру вы с мисс Камден ведете, но я думаю, одержать над ней победу не так легко.

Проблема заключалась в том, что Хейден не был уверен, что хочет одержать победу. Сейчас она не только заинтриговала его, но и привела в замешательство. Он потер горло, чтобы избавиться от образовавшегося в нем комка.

– Отнести поднос в гостиную? – спросил Мэтьюз.

Хейден чертовски устал от своего заточения в четырех стенах. Он завязал пояс халата.

– Нет, я спущусь вниз. В столовую.

Мэтьюз охнул.

– Не думаю, что это разумно, сэр.

Проигнорировав слова лакея, Хейден вышел из комнаты и двинулся по коридору к лестнице, стуча костылями по деревянному полу. Мэтьюз последовал за ним, граф взглянул на длинный лестничный пролет, и его плечи заметно напряглись. Похоже, спуск не окажется легкой прогулкой. Он кивнул головой, пропуская слугу вперед.

– Идите, Мэтьюз. Я спущусь через минуту. Если не сломаю себе шею.

Покачав головой, Мэтьюз начал спускаться по лестнице с подносом в руках. Когда слуга скрылся за поворотом на площадке первого этажа и исчез из виду, Хейден прислонил один костыль к стене. Разумнее будет маневрировать на ступеньках с одним костылем под мышкой, держась свободной рукой за перила. Он сделал один шаг, потом второй. К тому моменту, когда он достиг площадки между первым и вторым этажом, жгучий жар пронзал его раненую ногу. Уэстфилд посмотрел на длинную, обшитую тканью скамью, встроенную в стену, и, тяжело выдохнув, опустился на подушку, ожесточенно растирая раненую ногу. В эту секунду до его слуха донесся стук каблучков по выложенному плиткой полу коридора первого этажа. Кто-то бежал, наверняка София. Надо к черту уволить Мэтьюза – этого перебежчика!

Подняв юбки, открывая тем самым аккуратный изгиб щиколоток, София неслась по ступенькам. Ее щеки были заметно розовыми.

– Сэр, вы настоящий глупец! Что вы задумали?

– Вам когда-нибудь говорили, как вы прекрасны, когда сердитесь?

Румянец стал сильнее.

– Вы невозможны.

София опустилась перед ним на колени и приподняла полы халата и рубашки. Ее пальцы пробежали по бедру Хейде-

на, пробуждая в голове порочные мысли.

Она встала и сердито взглянула на него.

– Я иду в столовую.

– Нет, вы не... – Она вдруг побледнела. – О боже!

Она резко затрясла юбками. Миндалевидные глаза Софии увеличились до размеров блюдца, а руки судорожно отряхивали шерстяную ткань платья и лен фартука, словно пытались смахнуть попавшие на них искры. В чем дело, черт возьми? Он встал и схватил ее трясущиеся руки.

– София?

Выражение ужаса промелькнуло на ее лице, женщина опасно взглянула на пол и шагнула к Хейдену.

– Что вы увидели? – спросил он.

– Думаю, Альберта или его к-кузена.

– Альберта? Мыша Селии?

Она закусил губу и кивнула. О боже, ну как могла она испугаться крошечного грызуна, в то время как ее ни в малейшей степени не пугает такой человек, как граф Уэстфилд?

– Вы его боитесь?

Она нервно фыркнула.

– Он полз по моей юбке!

Глупый мышонок. На месте Альберта он бы залез к ней под юбку, чтобы убедиться, действительно ли ее ножки такие длинные, какими виделись в его грезах.

– Это же крошечный мышонок!

– Вы надо мной смеетесь!

Ее глаза сияли увлажненным блеском, а на длинных черных ресницах заискрились крохотные слезинки. София моргнула, и одна из них медленно сползла по ее все еще покрасневшей правой щеке. Хейден погладил ее руку.

– София, Альберт не причинит вам вреда. Скорее всего, он уже вернулся обратно в комнату Селии.

Она кивнула, прикрыла глаза, и по ее щекам скатились еще две слезинки. Хейдена немало раздражали женские слезы, но вид плачущей Софии по-настоящему расстроил его. Ему хотелось утешить ее, высушить слезы и, обнимая, утешающее поглаживать по спине. Да ты просто олух, старина! Она скорее всего едко осадит его, возможно, даже влепит оплеуху и сбежит из его дома, раздавив по пути Альберта. Тем более после его предыдущей эскапады. И все же он не смог подавить свой порыв и смахнул слезинку с ее щеки. София распахнула свои длинные ресницы и взглянула на него. Господи, да она прелестна! Слишком прелестна.

– Я уверен, что Альберт уже... – Он умолк, когда этот подлый мышонок выскочил из-под скамьи и бросился к напольным часам, стоявшим в углу.

Она проследила за его взглядом и отвернулась.

– София, – воскликнул Хейден, возвращая ее внимание, а потом произошло нечто совершенно немыслимое: он обхватил руками лицо молодой женщины и припал к ее губам, поскольку это был единственный способ отвлечь сиделку от мыслей о мышке. Это был нежный поцелуй, по его представ-

лению, даже целомудренный, скорее, легкое касание губ. Не больше чем прелюдия, но это действие увлекло его. Хейден не понимал ни себя, ни возникшей ситуации. Внезапно он впился в ее губы. Она напряглась, словно собираясь оттолкнуть мужчину, но потом ее губы расслабленно открылись его поцелую. Граф еще на пару секунд продлил поцелуй, потом слегка отстранился. Он ожидал возмущения, возможно, даже крепкой оплеухи, но когда ее длинные ресницы распахнулись, она не произнесла ни слова. София выглядела более смущенной, чем он. Черт побери, все это, учитывая учащенное биение его сердца, могло показаться отличным трюком. Прежде чем Хейден успел осознать, что собирается сделать, он вновь обхватил ее лицо ладонями и прильнул к губам. София тихонько охнула, но он просунул язык в тепло ее рта, ощутив терпкий и сладковатый вкус корицы. Она удивленно вздохнула, но мягко и почти неслышно, что подсказывало о ее неопытности. Забытые ощущения юности согрели его душу, привнося ощущение неловкости и неуверенности. Он собрался отстраниться, но именно в этот момент она провела своим языком по его языку. Желание бесконечным потоком растеклось по его телу. Он привлек ее к себе настолько плотно, что почувствовал, как при дыхании поднимаются и опускаются ее груди. Изящные руки Софии пробежали по его предплечьям. Он коснулся губами ее щеки, провел по линии скулы и чувственному месту чуть ниже уха. София склонила голову, дав молчаливое согласие, и он ласкал ее

шелковую кожу, а затем прихватил зубами изящную мочку уха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.